

18+

Антон Фирсов
ГРАНЬ
сборник повестей

АНТОН ФИРСОВ

Грань. Сборник повестей

«Издательские решения»

Фирсов А.

Грань. Сборник повестей / А. Фирсов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530452-0

Основу настоящего сборника составляют остросюжетные мистические повести. Герои разных эпох противостоят силам тьмы: деревенской ведьме Сычихе, кельтскому суккубу, бескрылым слугам преисподней. Однако все это лишь часть вечной битвы — битвы света и тьмы за человеческие души. За кем на этот раз будет победа и какую цену придется за нее заплатить?.. Узнайте ответы на эти вопросы, прочитав захватывающие дух повести Антона Фирсова!

ISBN 978-5-00-530452-0

© Фирсов А.
© Издательские решения

Содержание

Равноденствие	6
Три часа ночи	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Грань Сборник повестей

Антон Фирсов

Корректор Мария Устюжанина

Иллюстратор Марина Шатуленко

© Антон Фирсов, 2021

© Марина Шатуленко, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0053-0452-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Равноденствие

Повесть

Пролог, который вполне мог бы стать эпилогом

Я стоял возле окна на кухне и прижавшись лбом к холодному стеклу провожал взглядом хлопья отчаянно-белого снега, кружащиеся в полутемном небе. Сильные снегопады – как говорят тут – «зима огрызается напоследок» – дело не такое уж и редкое в этих краях. Последний гордый выпад зимы. Чтоб помнили. Чтоб не забывали о том, что рано или поздно все вернется на круги своя.

А весна, смиряясь с тем, что зима еще и властвует в воздухе, наполняя его последними снежинками, на земле уже медленно, но верно вступает в свои права, превращая красивые белые хлопья в слякоть, противно хлюпающую под ногами.

Снег не сойдет еще долго. Еще около месяца он будет медленно таять на городских улицах. Грязный... серый... ноздреватый... он будет вызывать у прохожих жалость, граничащую с брезгливостью и легкую тоску по ушедшим новогодним праздникам. Легкую тоску – потому что теплый весенний воздух уже наполняет души и сердца людей предчувствием грядущего лета. А ЛЕТО – здесь праздник само по себе. Потому что в том месте, где сейчас мы живем, хорошее теплое лето – большая редкость. А теплой весны просто не существует. Оттого и День Весеннего Равноденствия здесь никто не празднует. В этом мире он всего лишь обычная метеорологическая точка. Зарубка, сделанная человеком на древе познания окружающего мира.

Неохотно оторвавшись от завораживающего снежного вихря, я присел за стол и растер ладонью занемевший от холода лоб. Голова слегка болела – напряжение прошедшего дня медленно угасало, и уже накатывались первые волны усталости.

Часы на холодильнике равнодушно отсчитывали минуту за минутой. Я вдруг поймал себя на том, что уже довольно долго не свожу взгляда с секундной стрелки, даже не пытаюсь понять который теперь час. А между тем время приближалось к семи часам вечера. Пора. Или почти пора. Сейчас увижу.

По дороге в спальню, я заглянул в ванную. Из аптечного ящика достал упаковку «Анальгина», выдавил из фольги таблетку. Подумал, выдавил еще одну. Запил их водой прямо из крана, даже не поморщившись. Подумать только, а ведь лет пять назад от глотка такой воды меня бы стошнило. Все-таки Тиеднелъ был прав – людская живучесть и приспособляемость сродни крысиной всеядности. Невесело усмехнувшись своему отражению в зеркале, я вышел в коридор.

По моим подсчетам, от последнего укола она должна была проспать как раз до захода солнца. А даже если и проснется немного раньше, все равно будет слишком вялой, чтобы начать скандалить всерьез. Хотя... какое там «всерьез»... Даже если она просто молчала, ненависть, горевшая в ее глазах в эти минуты, сводила меня с ума.

Затаив дыхание, я приоткрыл дверь и прислушался. Ничего. Тишина и ровное дыхание. Спит? Стараясь двигаться неслышно, я подошел к большой кровати, на которой будучи прикованной к ней по рукам и ногам в полузабытьи лежала женщина, которую я любил больше жизни.

Она была красива. Но назвать её красивой – означало не сказать о ней ничего. Те, кто порой восхищенно называл ее красоту небесной, даже не догадывались, насколько близко они были к истине.

– Гена, ты здесь?

(видимо я двигался недостаточно тихо)

– Да, маленькая, ну как ты?

– Хорошо, – голос у нее еще слабый, видимо пришла в себя буквально перед моим приходом, – подойди сюда.

Я подхожу ближе и сажусь на краешек кровати. Она пытается поймать мой взгляд, потом в изнеможении закрывает глаза.

– Я не слишком тебя... – она запинаясь, подбирая слово, – обижала?

– Нет, – качаю головой, – вовсе нет. Ты почти все время спала.

А в ушах до сих пор стоит ее злобное змеиное шипенье: – «Seilejv! Проклятый круглоухий! Последний раз тебя спрашиваю – кто ты такой? И где я нахожусь?»

– Ты уверен, что мы правильно поступаем? Может быть, стоит поговорить с врачом?

Она говорит тихо. Виновато глядит на меня своими огромными фиалковыми глазами. Вот-вот заплачет.

– Нет, Юля, – я качаю головой и со вздохом начинаю освобождать ее, – не начинай сначала, а? Мы с тобой это сто раз обсуждали. Врачи тебе не помогут – скорее навредят. Нашпигуют уколами – сделают из тебя овощ. Мы справимся сами. Один в году можно и потерпеть, да?

Она не отвечает и только с беспокойством смотрит на мои манипуляции с наручниками.

– Потерпеть? – задумчиво мурлычет она и в ее глазах вспыхивает озорная искорка, – вот терпеть я как раз не собираюсь. Знаешь что? – требовательно говорит она слегка окрепшим голосом, – руки пока не освобождай. Глаза теперь откровенно смеются.

Снова и снова задаю себе один и тот же вопрос – а если бы я знал, какими могут быть те побочные эффекты, о которых говорил Тиеднель, сделал бы я то, что сделал? И снова отвечаю себе – Да. Сделал бы. Потому что я не украл любовь. Я поднял ее. Так опрометчиво, как ненужную тряпку, брошенную наземь другим человеком.

Да разве это настоящий праздник Sielfajmeen? Истинно скажу вам, милсдари мои, говорить так может только тот, кто не видел на своем веку как он празднуется по-настоящему. Как? А вот поднесите бывшему кнехту из Роты Вольных Копейщиков кружечку пива, и услышите презабавную историю о том, как он отмечался при дворе тана Фильериала, который правил эльфами Золотых Полей. Эх, господа хорошие, так я вам скажу, благодарствую за пиво, корчмарь, знамо дело – эльфийский это праздник, а потому праздновать его по-настоящему умели только эльфы. Мастера они были, надо сказать, во всем, за что бы ни принимались. Да не хватайтесь вы за меч, милсдарь лыцарёнок, не вращайте на меня так страшно глазами. Получили вы свои шпоры – возрадуйтесь и берегитесь, как бы вам их в лихой день вместе с ногами не оторвали. Я об эльфах в отличие от вас знаю не понаслышке. Вы, с позволения сказать, еще только проскользнули из вашего папочки в вашу мамочку, когда я уже вовсю рубился с этим остроухим наказанием возле деревушки...как бишь ее...название еще такое смешное... запаматовал... старость – она не радость, ваша лыцарская светлость. Ну, а до того, как мы с ними, значицца, начали друг дружку дубасить посылно, я сталбыть частенько назначался в почетный эскорт к главе Торговой Гильдии, который много раз до этого самого тана навещался. Потом то, ясное дело, вздернули его на воротах Вассенбурга аккуратно в день начала военных действий. В народе, значит, объявили его эльфийским шпионом и пособником. Кто его знает, с чего бы это он так к эльфам зачастил? Кстати, справедливости ради стоит сказать, что отцы города задолжали Торговой Гильдии кругленькую сумму, а отдавать само собой не торопились. Потому и приняли с ликованием решение короля Ингвара Собирателя (тогда он был еще Ингваром Паршивым) пройтись по эльфийским вольностям огнем и мечом. И разом решили проблему своего долга. Без лишних переживаний. Ну, а я так решил не дожидаться, пока и меня под горячую руку решат с веревкой поженить, да и отписал командование – так, мол, и так. Хочу, сталбыть, в передовых частях бить остроухую нечисть со всем моим прилежанием. И через день уже скорым маршем двинулся вместе с Вольными Копейщиками

на помощь королю Ингвару. Окаянный это был народец, так я вам скажу, милсдари. Что? Нет, это я не о копейщиках. Те, конечно, тоже ангельскими характерами не выделялись, но сказать по совести до придворных короля Ингвара всем нам было ой как далеко. Еще кружечку пива, корчмарь, а то право слово язык прилипает к гортани. Благодарствую. Так о чем это я? О празднике Весеннего Равноденствия, который у эльфов назывался Sielfajmeen.

Как раз перед началом войны бывал я на том самом празднике, где по преданию был убит сыночек короля Ингвара принц Генрих. По совести говоря, тот еще был папин сын, скажу я вам, но о покойниках либо хорошо – либо ничего. Таково мое правило. Потому и скажу о нем...ничего. Папка сыночка тоже не сильно жаловал иначе не допустил бы, чтоб он болтался неизвестно где, создавая своим беспутным появлением в эльфийских кланах претен...птенцет...благодарствую ваша светлость... прецедент. Однако выгоды из сыновней смерти извлек не колеблясь. Одно дело – собрать людей на войну несправедную. Оторвать от домов, которые и построены то были без году неделю, мужиков сорвать с жен, крестьян – от пахоты. И совсем другая картина, если, к примеру, мученически страдает невинное королевское дитё. А потому под знамена свои он собрал только за первую неделю более десяти тысяч! И это только тяжелой пехоты! Думаю, не совру, что ежели б он только мог подумать, что сможет в одночасье сколотить вокруг себя такую орду, он бы своего наследника удавил бы собственноручно ради такой оказии. Опять отвлекся. И пиво как на грех опять закончилось. Из чего с позволения сказать, милсдарь корчмарь, вы мастерите такие толстостенные кружки? С виду то они ничего себе, а вот пива в них входит – кот наплакал. Вы тоже обратили внимание, ваша светлость? Все-все, больше ни слова. Не отвлекаюсь ни на что и перехожу прямо к сути дела. Да, видимо, упомянутый мной праздник влетел тану в копейку. Славный это был праздник, милсдари... славный. Кто ж мог знать. Что закончится он так препасуднейше.

– Веселитесь и празднуйте День Весеннего Равноденствия! Да здравствует Sielfajmeen! Счастья и любви всем, кто чтит Рождение Великой!

Вряд ли кто-либо из присутствующих мог похвастаться, что уже побывал на празднике Sielfajmeen, который бы отмечался с такой вычурной пышностью. Тан эльфов клана Золотых Полей решил превзойти самого себя. Чем на повод войти в историю? Разве не отрадно сознавать, что пройдет совсем немного времени по меркам Старшего Народа и знаменитый пир обрстет всевозможными легендами, преданиями, байками, а те, кто сейчас запивает водопадками вина и пива груды жареного мяса и тушеной рыбы, будут презрительно морщить нос: – да разве же это праздник? А не бывали вы, молодежь, при дворе тана Фильериала. Вот где умели веселиться и чтить Равноденствие... не в пример нынешнему поколению.

– Счастья и радости всем живущим на земле! Ликуйте и веселитесь, ибо настал Sielfajmeen, и родилась новая весна!

Огромный пиршественный зал замка Стэльвааль, построенного задолго до Эпохи Переселения во времена прадеда нынешнего тана, с трудом вмещал в себя огромное количество приглашенных на праздник. Столы, за которыми располагались пирующие, были поставлены с возможной близостью друг к другу чтобы рассадить за ними наибольшее количество гостей, при этом оставив достаточно места так, чтобы они не чувствовали себя стесненными. В проходах между длинными скамьями, покрытыми нарядной тканью, проворно сновали низушки – разносчики яств, меняя опустевшие кувшины и принося все новые и новые блюда с дичью, рыбой и разнообразными овощами приготовленными не менее разнообразно.

За столом стоял громкий восторженный гул, состоящий из разговоров, тостов и поздравлений. Примерно с интервалом в час во главе стола, где восседал сам тан вместе с особо приближенными, громко ударяли в гонг, и тогда все как один гости поднимались со своих мест и дружно ревели: – Leint lejva Sielfajmeen! Да здравствует День Весеннего Равноденствия!

Зал наполнялся громким стуком глиняных кружек, тонким пением хрустальных бокалов и деликатным звяканьем серебряных кубков, ибо согласно традициям следовало обмениваться ударами питейных сосудов с каждым из соседей за столом. Разумеется, в пределах досягаемости.

– Leint lejva Sielfajmeen! – раздалось сзади. Гонверт обернулся на голос и увидел порядком захмелевшего эльфа с волосами, собранными на затылке в конский хвост, призывно протягивающего к нему кубок до краев наполненный вином.

– Lejva, – согласился он и в свою очередь протянул навстречу кубку кружку с пивом. Еще несколько взаимных поздравлений – гости начали с шумом опускаться на лавки, дабы вернуться к застолью. Гонверт же вернулся к прерванному разговору.

– ...И вот потому собственно я считаю, что вся ваша хваленая терпимость, которую вы теперь официально провозглашаете повсеместно, не стоит выеденного яйца. И низушки, прислуживающие нам с вами на этом пиру, есть ярчайшее тому подтверждение. Сколь ни пытаюсь, но найти среди лакеев хоть одного эльфа у меня не получается.

– И не получится, – подхватил его слова бородастый гном, сидевший от него по правую руку, – что ты скажешь на это, Габриель? Глянь – этот круглоухий одним примером отправил всю твою тщательно выстроенную теорию псу под хвост.

И добродушно ткнув локтем в бок Гонверта, он громко и обидно захохотал.

– Сравнение приведено... я бы сказал – неудачно, – нимало не смутившись, ответил гному светловолосый изысканно одетый эльф, занимавший место за столом напротив, – я бы сказал так – каждому на этом свете свойственно заниматься тем, к чему он чувствует предрасположение. Или призвание. Низушок хорош в торговле или в иных сферах, которые мы можем условно назвать – он на миг задумался – сферой обслуживания. Вряд ли гном смог бы справиться с обязанностями лакея столь же талантливо. Друг мой – окликнул он низушка, спешившего мимо него с подносом фруктов, – немного вина на эту часть стола. Если не затруднит. И если я был хоть в чем-то некорректен – прошу тотчас мне на это указать, – с обезоруживающей улыбкой добавил эльф, когда низушок опрометью бросился выполнять заказ.

– Итак, место низушка – на кухне эльфов, – медленно проговорил Гонверт, деликатно отрывая ножку от жареной индейки, – место гнома – естественно в рудниках, металлоплавильных и оружейных мастерских. Интересно было узнать мнение представителя старшего народа – на какую полку в вашей кладовой вы поместите людей?

– Не следует путать склонности того или иного народа с попыткой создать на их основе какое-то подобие мирового порядка, – ответил эльф довольно сухо, – человек, если тебя так уж интересует мое мнение, способен одинаково уверенно чувствовать себя и на руднике и в оружейной мастерской. И в торговле, раз уж мы об этом заговорили. Уж кому как не тебе знать об этом. Судя по моим сведениям, ваша Гильдия отнюдь не бедствует.

– Именно так, – подтвердил гном, отодвигая в сторону пустую тарелку, и громко икая, – клянусь посохом Прародителя, ты Габриель сейчас попал в самую точку. Универсальность людей – вот их отличительная черта. И именно этой универсальности вы, эльфы, боитесь больше всего.

– Эльфы не боятся ничего и никого, – ледяным тоном ответил Габриель, внимательно рассматривая свой бокал, будто найдя в его узоре нечто занимательное, – страх противен нашей природе, Драгх. Тебе это может быть и не ясно со всей очевидностью, а вот твой дед наверняка смог бы об этом рассказать весьма живописно. Он ведь, если не ошибаюсь, был участником Кукрмаргхской бойни?

– Так, так, а ну прекратите, – довольно резко вмешался Гонверт, видя как гном, побагровев до корней волос, готовится сказать что-то весьма неподобающее общей атмосфере веселья, – Sielfajmeen, вы забыли?

– Sielfajmeen, – немедленно отозвался эльф и протянул гному бокал с вином, – прошу у благородного Драгха прощения за свои необдуманные слова и призываю поговорить о чем-либо более приятном.

– Sielfajmeen, – буркнул в ответ гном и, прикоснувшись к бокалу своей громадной глиняной кружкой, подвинул к себе очередное блюдо.

Некоторое время в этой части стола преобладали только булькающие и чавкающие звуки.

– Замечательно приготовлено, – нарушил молчание Драгх, отодвинув от себя очередную пустую тарелку, – клянусь бородой Прародителя – давненько не едал так славно приготовленную баранину. Великолепная кухня у здешнего тана.

– Все дело в особом соусе на основе этих недавно привезенных овощей, которые уже получили название – томаты, – с готовностью ответил эльф, ловко орудуя ножом и двузубой вилкой, – но ты ошибся, благородный Драгх, это была не баранина. Это waldra.

– Водяная крыса, – пояснил Гонверт в ответ на немой вопрос гнома.

Тот, слегка позеленев, залпом осушил кружку и немедленно наполнил ее вновь.

– Томаты на столе у тана Фильериала, – задумчиво протянул Гонверт, – причем не во главе стола как экзотическая диковина, а в виде соуса для (прости Драгх) обычной крысатины – вот уж воистину никогда не зарекайся удивляться в гостях у эльфа.

– Стоит вам знать, – вступился за местную кулинарию сосед Гонверта слева, темноволосый синеглазый эльф, заплетавший свои волосы в две тугие косы, – что waldra издавна считалась деликатесом. О достоинствах и полезности ее мяса написаны целые трактаты. Особенно ценной в пищевом отношении частью является хвост...

– Замолчите ради всего святого, – в отчаянии прохрипел Драгх, изо всех сил стараясь залить в себя очередную кружку пива.

Эльф, пожав плечами, отвернулся от них и продолжил разговор в своей компании.

– Несмотря на весь этот внешний блеск, я все же не стал бы думать, что ваш тан склонен настолько бездумно и опрометчиво сорить деньгами, – продолжил Гонверт, – деньги, отпущенные для приготовления соусов из томатов, можно было использовать более толково. И вывод напрашивается сам собой. Точнее два вывода. Либо вы в обход Договора о Дружбе нарушаете торговую блокаду островитян с Архипелага Драконов, либо...

– Либо что? – поинтересовался эльф с самой искренней и обезоруживающей улыбкой

– Либо нашему другу гному отчаянно повезло, и он умудрился из множества представленных здесь блюд выбрать не просто крысу, а единственную крысу, приготовленную по-королевски. Так сказать, крысу – королеву.

– И я предлагаю выпить за необычную удачливость нашего друга Драгха, – Габриель поднялся, протянул бокал и вдруг оглушительно крикнул: – Leint lejva Sielfajmeen!

– Leint lejva Sielfajmeen! – многогласо отозвался зал.

– Спешись, – пытаясь перекричать общий ликующий вопль, крикнул Гонверт, – бежишь впереди гонга.

– Привилегия, – завопил в ответ эльф, – надо же хотя бы иногда дать понять окружающим снобам, да и самому себе, что я ничуть не уступаю древностью рода нашему тану.

Полчаса спустя Гонверт вышел из зала и с наслаждением вдохнул аромат чистого ночного воздуха. Словно из воздуха материализовался низушок. Всем ли доволен высокий гость? Не нужно ли ему чего-нибудь? Не проводить ли его куда-нибудь? Не желает ли высокий гость воспользоваться гостеприимством тана Фильериала и переночевать в одной из комнат замка?

Его ответы были односложны. Да. Нет. Не надо. Не желает.

После исчезновения низушка, Гонверт сильно прокашлялся. Ночь в ответ ухнула криком совы. Это означало – «у нас все готово». Удовлетворенно кивнув головой, Гонверт неспешной походкой отправился назад в пиршественный зал.

Фильериаль ле Аэд Стельвааль, тан эльфов клана Золотого Поля в сопровождении небольшого эскорта шествовал по замку своих предков уверенным хозяйским шагом. Несколько раз на его пути бесшумно возникали гвардейцы, назначенные сегодня в караул по замку – праздник праздником, а служба службой. При встрече с таном они, молча, опускались на одно колено, и, удостоившись легкого кивка головы, исчезали столь же неожиданно, как и появлялись.

Наконец, остановившись возле двери, инкрустированной узорами из слоновой кости, он на секунду остановился, набрал в грудь воздуха, с шумом его выдохнул и вошел без стука. Сопровождающие тревожно переглянулись и замерли возле закрытой двери, ожидая дальнейших распоряжений.

Большой зал – нечто среднее между комнатой для приема гостей и большим платяным шкафом встретил его ароматами духов и негромким серебристым смехом, который стих при звуке открывающейся двери. В комнате находилось несколько молодых фрейлин, незамедлительно поднявшихся с кресел при его появлении. Затем все они как по команде опустили глаза и склонились в реверансе. Все кроме одной. Совсем юная девушка, почти девочка с восхитительными фиалковыми глазами, огромными даже для эльфы, осталась сидеть на невысоком плетеном кресле перед зеркалом и продолжала рассеянно расчесывать свои густые темно-каштановые волосы.

Доброй ночи, папочка, – она улыбнулась, увидев его отражение в зеркале, – *Leint lejva Sielfajmeen!*

– *Lejva*, – рассеянно ответил тан и медленно осмотрелся. Наконец, он увидел именно то, что желал увидеть. Роскошное бальное платье, блестящее палитрой всех оттенков зеленого цвета – от нежного салатного до густого хвойного. Платье, расшитое изумрудами самых разных оттенков, привезенных из самых разных уголков обитаемого мира. Платье, небрежно брошенное на кушетку, словно старый кухонный фартук.

– Значит, это правда, – констатировал он, и, подойдя к дивану, аккуратно расправил на нем наряд, – я, признаться, не хотел этому верить. Не каждый день тебе в разгар праздничного пира сообщают, что родная дочь нарушает твою отцовскую волю. Проклятье! – взорвался он, – да я скорее был бы готов допустить, что мой первый министр воткнет мне в зад вилку прямо во время коронации!

– Папочка, не будь занудой, – поморщилась девушка и перестала причесываться, – я тебе каждый день на протяжении подготовки к твоему грандиозному пиршеству повторяла одну и ту же фразу. Хочешь, я ее снова повторю?

– Дочь, – тан успокоительно поднял вверх руки, – я обещаю тебе, более того, я даю тебе слово, страшную клятву, что хочешь... – завтра, – я повторяю – завтра, – он слегка повысил голос, увидев, что девушка презрительно сморщила носик – мы обсудим с тобой создавшуюся ситуацию и обязательно примем решение, которое устроит всех нас. При этом я обещаю тебе – твое мнение будет услышано и учтено. Но сейчас – пойми – так надо. Рассветет примерно через час. К этому времени ты должна быть готова.

– Блаблаблаблабла... – принцесса поднялась с кушетки и подошла к отцу. Ростом она едва достигала ему до плеча, но, тем не менее, старалась глядеть на него, как равная, – ты слишком много времени проводишь в Совете, отец, – горько сказала она, – попробуй сам понять то, что сейчас сказал мне. А когда поймешь – то наверняка не удивишься тому, что мой ответ – нет. Я не стану женой ни одного из этих высокомерных пафосных павлинов, которых ты прочишь мне в мужья. И ты поклянешься мне в этом, – твердо закончила она, – здесь и сейчас. Перед лицом твоих подданных. Иначе сделка не состоится. Я не приму участие в церемонии – и прекратим этот бесполезный спор.

– Девчонка, – рывкнул тан, – да любая из твоих безмозглых подружек будет рада удостоиться такой высокой чести. Я уж не говорю о желании нацепить на себя это платье – оно написано на их физиономиях.

– Так чего ты ждешь? – холодно спросила дочь и вернулась к зеркалу, – предложи им хоть сейчас. Но прежде проконсультируйся у Тиеднеля – не будет ли в этом случае какой—нибудь неожиданности для Старшей Расы. Скажем, как насчет десяти лет неурожаев? Или нашествия саранчи? Кто знает? Природа полна тайн.

– Тиеднель, – понимающе кивнул головой тан, – старый барсук. Проклинаю тот день, когда пригрел в своем замке этого ядовитого змея. Так – то он оплатил мне за гостеприимство – настраивая против меня собственную дочь.

– Не оскорбляй Тиеднеля, – принцесса отложила гребень и сердито глянула на отца, – оскорбляя его ты оскорбляешь Великую. Причем в день Ее Рождения. Тебя слишком увлекли политические альянсы, отец. Создавая вокруг себя щит самоизоляции, ты ничего не выиграла. Время изменилось, отец. Генрих тоже считает, что...

Сказала и тут же прикусила губу, поняв, что сболтнула лишнее.

Повисшее молчание нарушил тан Фильериаль.

– Оставьте нас, – не глядя на фрейлин, приказал он.

Затем, когда шуршание их платьев замерло за дверью, он громко хлопнул в ладоши. В комнату немедленно вошел один из сопровождавших его эльфов.

– Немедленно вернитесь в Большой Зал, – ровно произнес тан, не отрывая глаз от принцессы, – церемония отложится на час. Мой приказ – сделать вид, что это запланировано и предусмотрено. Развлеките гостей так, чтобы у них не появились в голове дурные мысли на этот счет.

– Но, светлейший тан, – поперхнулся придворный, – скоро рассветет и как я...

– Мне совершенно на это наплевать, – еще более ровно перебил его тан, – останови солнце или проскачи по столам на одной ножке, предварительно сняв для удобства штаны. Можешь даже отравить их всех на крайний случай – но чтоб никто ничего не заметил. Я хочу поговорить со своей дочерью.

Вельможа, поклонившись, исчез за дверью.

– Итак, – тан поднял одно из легких почти невесомых кресел и пододвинул его к зеркалу, возле которого сидела притихшая принцесса, – что же там считает Генрих? И самое главное – кто он, этот загадочный Генрих?

Среди архитектурных особенностей, присущих эльфам, была одна вызывающая у военачальников того крайне беспокойного времени недоумение, граничащее с раздражением. В эпоху мелких войн и большого строительства, они (эльфы) не окружали свои замки ни высокими крепостными стенами, ни глубоким рвом, который при необходимости можно было бы заполнить водой. Этим эльфы лишней раз хотели продемонстрировать прочим расам, что нападения они не боятся, и что в их рукавах найдется место для достаточного количества козырей, чтобы провалить любую направленную на них военную агрессию. Кроме того, эльфы не уничтожали без особой на то необходимости ни одно из растущих возле замка деревьев. Каким образом им удавалось проводить масштабные строительные работы и организовывать доставку материалов – оставалось тайной за семью печатями, которой эльфы делиться не спешили. Но факт оставался фактом – эльфийские замки казались, будто выросшими среди леса, подобно одному из окружавших их вековых дубов или елей. Стэльвааль являлся единственным исключением среди прочего, кстати сказать, весьма незначительного числа эльфийских замков. Потому что справедливо именовался ключом ко всей торговле между людьми, гномами, низушками и эльфами, возникшей еще в Эпоху Переселения. И получившей бурное развитие после постройки Северного Торгового Тракта, связавшего плодородные земли южных эльфов

из Кланов Золотого Поля, Цветущих Долин и Белого Клевера с богатыми рудами и серебром Сверкающими Горами, у подножия которых издревле селились племена гномов – рудознатцев. Устройство огромного по тем меркам ярмарочного комплекса потребовало больше свободного пространства вокруг замка. Взвесив все возможные за и против, отец нынешнего тана без колебаний уничтожил значительную часть вековых дубов, примыкавшую к купеческому тракту. Немногочисленную группу недовольных он красиво развесил на ветвях нетронутых деревьев, явив, таким образом, наглядный пример того, что леса в его владениях еще вполне достаточно. Ко времени описываемых событий Стэльвааль южной своей стороной был обращен к широкому полю, примыкавшему к дороге, вымощенной камнем, а северная его сторона целиком скрывалась в лесу, больше напоминавшему своей чистотой и ухоженностью дворцовый парк.

Молодой эльф, назначенный в караул к северной аллее на время празднования, отчаянно скучал. Это был его первый год служения в дворцовой охране и в течение него он завидным постоянством нес дежурства во время всех мыслимых и немыслимых праздников. В то время как его старшие товарищи, сочувственно похлопав его по плечу, отправлялись веселиться.

Ну что ж? Жизнь сама по себе вещь ужасно несправедливая и утешало лишь одно – через два года, после нового набора в Дворцовую Стражу, он сможет наверстать эти безнадежно загубленные ночи. Пусть другие торчат в одиночестве под ночным небом, кутаясь в теплый плащ от прохладного ночного ветра. Он в это время будет пить сладкое цветочное вино или крепкое пиво, сваренное низушками по древним рецептам гномов. Он будет обнимать податливых красавиц, неравнодушным к гвардейцам тана, и рассказывать им...

Две тени, закутанные в точно такие же, как у него темные гвардейские плащи неожиданно выросли шагах в десяти от него. Приветливо махнув ему рукой, незнакомцы уверенно зашагали прямо к стене замка.

– Кеј пооме? – окликнул их стражник, взглядываясь в ночную тьму, ставшую перед рассветом чуть более размытой, – Lew парој saa tan, s?

– Suut eve, – крикнул он уже громче, видя, что пришельцы никак не отреагировали на его окрик, – Suut! – и он, скинув наземь плащ, выхватил меч из ножен.

Незнакомцы остановились и как по команде поглядели друг на друга.

– Noome парој saa tan, – властным голосом ответил один из них – слегка выше ростом и шире в плечах, – kew lere vaal. Vivaa, kneil, – неизвестный одобрительно кивнул головой, и двинулся навстречу солдату.

«Так это проверка», – с облегчением подумал молодой эльф, – «проверка, которую я выдержал с честью. Проверка, о которой наверняка будет завтра же доложено начальнику Дворцовой стражи, а может статься и самому тану! Теперь главное – закрепить это хорошее впечатление и довести начатое до конца. Стоп! Ах, я глупец! Забыл про пароль!

– Lew, – почтительно произнес он, опуская меч.

– Lew? – удивился проверяющий, которому к тому времени осталось до солдата всего два шага, – а... Lew..

И сделал рукой небрежный едва уловимый жест.

Эльф, нелепо взмахнув руками, рухнул за землю. Из его переносицы торчал металлический диск с зазубренными краями.

– Глупец, – прошипел второй незнакомец, все это время остававшийся в тени, – его хватятся, а здесь даже некуда спрятать эту падаль.

– Не беспокойтесь, высокий принц, – почтительно ответил первый, – до смены караула еще час с четвертью. Времени у нас более чем достаточно. Если мы не будем мешкать...

– Так чего же ты тогда застыл, как пень, – нетерпеливо оборвал его тот, кого назвали принцем, – ищи эту хренову дверь.

– Еще мгновение, высокий принц, – все с той же почтительностью ответил лже проверяющий и сделал над телом убитого несложный пасс рукой. Тело заколебалось в предрассветных сумерках и исчезло. – Я уже иду.

Он быстрым шагом подошел к стене и начал водить по ней руками, отыскивая только ему одному известные признаки. Через минуту таких поисков стена неожиданно поддалась и ее часть плавно ушла внутрь, открывая узкий проход. Впрочем, достаточно широкий для того, чтобы попасть внутрь.

В своих покоях, уткнувшись лицом в отцовское плечо, горько плакала принцесса.

– Но если бы я только знала, папочка... я плохая дочь... я думала, что тебе нет никакого дела до моего мнения... прости меня... прости... – через всхлипывания, бормотала она, – ты самый лучший папочка на свете.

– Дочь, девочка моя, – ласково отвечал ей тан, нежно поглаживая по волосам, – все, что я делал и делаю, имеет только одну цель – сделать тебя счастливой. Тебе нужно было сразу мне все объяснить, глупенькая. Ну, разве же я настолько бессердечный, чтобы заставить тебя страдать? Ну-ну, – он аккуратно обхватил ладонями ее щеки, – хватит плакать. Все главное уже сказано. Я рад, что ты нашла свое счастье, пусть даже и не совсем обычным способом. Ну, а теперь, надо подумать и об этой толпе бездельников, собравшихся со всех сторон света, чтобы увидеть таинство рождения Великой. Не будем лишать их этого зрелища, да милая? Пусть тебе помогут одеться – у нас совсем мало времени.

И еще раз, поцеловав заплаканные глаза дочери, он быстро направился к дверям. Уже взявшись за дверную ручку, он вдруг остановился и обернувшись добавил: – Ну, а Кубок счастья поднеси... – он на минуту задумался, – да хоть Ваальдиэлю. Подсластим пилюлю твоему бывшему поклоннику, – он заговорщически подмигнул дочери, и вышел, а принцесса, радостно взвизгнув, позвонила в маленький серебряный колокольчик, стоящий на трюмо.

Закрыв за собой дверь в покои принцессы, тан замер, не двигаясь и почти не дыша. Выражение его лица было в тот миг настолько свирепым, что один из вельмож, ожидавших его возвращения, несмело осведомился все ли с ним в порядке?

– Со мной? – тан повернул голову, и придворный попятился назад под его взбешенным взглядом, – моя единственная дочь потеряла голову от любви к самому ублюдочному представителю самой ублюдочной расы на земле. Со мной НЕ ВСЕ в порядке. Со мной ДАЛЕКО НЕ ВСЕ в порядке.

Он зашагал по коридору, на ходу отдавая приказания и распоряжения. Уверенно и небрежно. После очередного приказания, кто-то из придворных немедленно исчезал среди многочисленных поворотов и лестниц – исполнять приказ.

– Тиеднеля я хочу видеть немедленно. Разыщите его, где хотите и доставьте в Большой Зал.

– Усилить караулы вокруг дворца.

– Перекрыть тракт и запретить выезд из владений без моего личного дозволения. Официальная причина – слухи о чуме, возникшей на наших южных границах.

– Всех людей, прибывших на праздник собрать и запереть в Башне Вопросов. И сделать это, – тан впервые остановился и обвел глазами всех присутствующих, – как можно быстрее и как можно деликатней. ОН здесь, – уверенно добавил он, – это совершенно очевидно. ОН здесь. Здесь он и останется.

По устойчивому мнению, Верховный Хранитель Традиций должен был обладать внешностью не менее традиционной. Иными словами, к этой должности должен был прилагаться соответствующий внешний облик. Не говоря уже о соответствующем внутреннем содержании.

Хранитель Традиций Тиеднелъ всем своим внешним видом ниспровергал все сложившиеся представления о своем статусе.

– Если бы я когда-нибудь захотел бы описать, КАК НЕ ДОЛЖЕН выглядеть Верховный Хранитель, – заметил как-то один известный живописец – портретист, приглашенный ко двору написать портрет принцессы в тринадцатый день ее рождения, – я бы с удовольствием попросил позировать мне именно Тиеднеля.

Ибо ни длинной седой бородой, ни роскошными белоснежными волосами, он не обладал. А ростом едва достигал пояса иных высокорослых эльфов. Потому что был... низушком.

История его появления в Золотых Полях сама по себе весьма примечательна и достойна изложения. Рассказывали, что однажды прежний Хранитель, прилюдно распекая не слишком смышленного воспитанника, в сердцах объявил, что «более никчемного создания тупостью подобного ослу, а упрямством и вовсе того превосходящего ему не доводилось видеть несмотря на свои довольно преклонные годы». И что он готов взять на обучение первого встречного, нежели продолжать бесплодные попытки вдолбить малую толику знаний в эту негодную ошибку природы. Рассказывали также, что после этих слов перед разгневанным Хранителем, будто из под земли возник босоногий оборванный низушок, объявивший о себе, что он и есть тот самый первый встречный, о котором толковал старец. Иные добавляли к рассказу, что при этих словах, дескать, прогремел раскат грома, хоть небо было ясным и без всякого намека не то что бы на тучу, а на простое облачко.

Ясное дело – ввали. Или приукрашивали. Кому как нравится.

На самом же деле, Хранитель вытянул по спине посохом юркого низушка, и отсоветовал на будущее показываться ему на глаза. Однако на следующий день низушок вновь явился к порогу Башни Мудрости. Голодный. Босоногий. Оборванный. Исполненный решимости поступить в обучение к старому мудрецу. Через неделю Хранитель сдался и разрешил упряму убираться в Башню и питаться обедками на кухне. Равно как и посещать занятия наравне с другими воспитанниками.

Именно так и появился на свет Тиеднелъ (Подкидыш). Настоящего имени он так и не называл и охотно принял прозвище, которое приклеилось к нему в годы учебы. А учился Тиеднелъ с остервенением. Невзирая на недостаток времени и вечное полуголодное существование. Шаг за шагом он постигал сложности врачевания, астрологии и алхимии, не забывая при этом чистить посуду на кухне и подметать двор. Едва достигая пояса остальным воспитанникам, в учебе он был выше них на целую голову.

Тем не менее, новость, что существо иной расы займет место Верховного Хранителя, было принято далеко не всеми. Гордые эльфы из славных и древних родов с возмущением срывали с себя знаки Мудрости и покидали Академию, чтобы в своих родовых имениях гневно рассказывать своим родным до чего докатился этот мир.

А Старый Хранитель удостоился долгого разговора с таном. Тан, ясное дело, выражал беспокойство различным слухам, гулявшим в последнее время среди его подданных. Игнорировать такие слухи было бы не совсем правильно. А пресечь их можно только после того, как Верховный Хранитель четко, доходчиво и ясно ответит, что, собственно, происходит за дверьми Академии Мудрости.

Хранитель так и отвечал. Четко, доходчиво и ясно. Да, Тиеднелъ сменит его на посту Хранителя Традиций. Да, он полностью отдает себе отчет в том, что многие знатные семьи больше никогда не пришлют своих отпрысков в Академию, где над ними так славно поглумились. Да, он все это понимает. Но, тем не менее, сделать ничего не может. Потому что такова воля Великой. Ее благословение. Ее выбор.

Вслед за этим, аудиенции с таном удостоился и Тиеднелъ. Его беседа с таном де-факто признавала за ним одобрение светской власти на занятие должности, автоматически гарантировавшей тому положение при дворе и массу материальных благ. Однако, светлейший тан

просил (настойчиво) будущего Хранителя свести к минимуму личное участие в разного рода церемониях, проистекавших в присутствии большого количества народа. Все-таки, традиции – дело тонкое. Кто это должен понимать лучше, чем верховный Хранитель? Аудиенция закончилась полным взаимопониманием и уверениями во взаимном расположении. С тех пор Тиеднель передоверил проведение многочисленных ритуалов своим Первым Помощникам, а сам целиком предался двум любимым вещам – занятиям наукой в Башне Мудрости и воспитанию юной принцессы. Иное его попросту не интересовало. Он, верный своему слову, не горел желанием являться ко двору. И если тан вдруг желал видеть его за пределами Башни Мудрости, значит, происходило нечто из ряда вон выходящее. Как, например, сейчас.

– El tan, sa plese elt noome home, – посыльный вежливо поклонился и застыл перед дверью.

«Ну, что ж, просит – прибуду», – рассеянно кивнул головой Тиеднель. Одевался он всегда сам. Это была новая традиция – он сам ее придумал. Ну, не заставляя же эльфов с их болезненным самолюбием одевать низушка? Пусть он даже верховный Хранитель Традиций.

– Yole, – кивнул он головой и сделал попытку закрыть дверь. Попытку – потому что посыльный, не переставая кланяться и улыбаться, остановил дверь рукой.

– Elt, – повторил он и снова улыбнулся. Где-то позади него на лестнице отчетливо забряцало оружие.

«Leint lejva Sielfajmeen», – подумал Тиеднель и начал надевать на себя праздничный наряд при открытой двери и застывшем возле нее улыбчивом посыльном.

Ночная тьма за окнами Большого Зала незаметно сменилась на предрассветную серую хмарь. Гости за столами то и дело начали вопросительно переглядываться. Отсутствие тана также не ускользнуло от глаз приглашенных. Медленно, но верно создавалась атмосфера всеобщего недопонимания. Как нельзя кстати прозвучал очередной гонг, но призыву наполнить кубки и выпить за Sielfajmeen, предшествовала длинная речь придворного церемониймейстера, в восторженных красках живописавшего скорое начало Ритуала Пробуждения, которое почтит своим присутствием Воплощение Великой – принцесса Лайониэль ле Аэд Тейле Инэд. Закончилась речь как обычно предложением «наполнить и поднять». Что и было сделано с вновь обретенным энтузиазмом.

– Ловкий проходимец, – заметил Гонверт, опустив на стол бокал, – причем на редкость обаятельный. Битых полчаса продержал нас на ногах, неся полную околесицу. Причем, весьма приятную речь для слушания. Сумел привлечь к себе внимание. И это при том, что подавляющее большинство... эээ... далеки от первоначальной трезвой рассудительности. И самое главное – слушали мы его с интересом, а вот что именно он хотел сказать, я так и не понял. Впрочем, думаю, что не один я. Все это очень напоминает мне ярмарочное представление, где фокусник достает из рукава яркий шарф, чтобы никто не заметил, как его напарник обшаривает карманы зевак.

– Знаешь, Гонверт, что я ценю в тебе больше всего? – задумчиво спросил Дракх, ковыряясь в зубах вилок, – умение объяснять суть происходящего, используя при этом простые и нехитрые примеры. И как подтверждение твоей теории хочу заметить тебе, что наш общий друг Габриэль во время этого выступления незаметно нас покинул. Или, проще говоря – тихо смылся.

– Вообще, – продолжил он, оглядываясь по сторонам, – народу слегка поубавилось. И поубавилось весьма избирательно. Вон там, – он указал рукой в противоположный угол зала, – я еще с начала вечера заметил своего давнего знакомца – приезжал к нам в Предгорье, учился основам минералогии... то ...сё... плюгавый человечиска, а пьет как лесоруб. Теперь, я его отчего-то не замечаю. А там, между колоннами, видишь? Между эльфом с перевязанной головой и франтом в форме гвардейца? Там, на месте, которое сейчас пустует, сидел один тип из строительной корпорации. Приехал выклянчить у здешнего тана разрешение

на строительство новой дороги через его землю. Странный это праздник, – гном пристально поглядел на человека, – праздник, с которого уходят, не извиняясь. Или с которого уводят с извинениями.

– Кавалер Гонверт? – низушок, возникший перед ним прямо из воздуха, смотрел на него почтительно и доброжелательно, – кавалер Габриель приносит вам свои искренние извинения и просит вас оказать ему небольшую, но очень важную для него помощь. Дело важное и спешное.

– Гонверт..., – начал было Дракх, но тот быстро положил ему руку на плечо.

– Все в порядке, дружище, – и обернувшись к низушку, добавил, – я в вашем распоряжении.

Из Большого Зала они вышли через один из неприметных выходов, задрапированных портьерой. Гонверт едва поспевал за своим низкорослым проводником. Миновали несколько залов поменьше, поднялись и спустились по узкой винтовой лестнице и наконец, очутились в большом полутемном помещении с множеством дверей, освещенном одним единственным масляным светильником. И тут низушок вдруг пропал. Абсолютно и бесповоротно. Был – и его не стало. Гонверт даже не успел, как следует удивиться этому факту, потому что с такой же внезапностью, граничащей с невозможностью, перед ним выросли три фигуры эльфов в форме дворцовой охраны.

– Не нужно пытаться сбежать, – с легким северным акцентом предупредил один из них, в то время как второй быстро и профессионально обыскивал человека, – бежать, вырваться, сопротивляться и... кричать, – ухмыльнулся он, – все ради вашей же безопасности. Кавалер Габриель задаст вам несколько вопросов, и вы тотчас же вернетесь в Большой Зал. Просим нас простить. Обстоятельства.

– Понимаю, – сочувственно кивнул головой Гонверт, – иногда обстоятельства бывают совершенно невыносимыми.

И молнией метнулся в ближайшую к нему дверь. Троица эльфов бросилась за ним, на ходу выхватывая мечи. Там они лихорадочно затоптались на месте – видимо, потеряли его след. Затем один из них радостно крикнул, указывая далеко вперед, где в тусклом полумраке мелькнула фигура убегающего человека.

Когда топот их ног окончательно стих, Гонверт удивленно покачал головой.

– Не могу поверить, – он попытался рассмотреть под светом чадающего светильника зажатый в руке амулет, – попасться на такую простую иллюзорную магию. Или это еще одно звено в цепи обстоятельств?

И он, запахнувшись в плащ, быстрым шагом направился в направлении противоположном тому, в котором скрылись его преследователи.

– Он все знает, милый! Я ему все рассказала!

– Лауве, голубка, зачем? Мы же все решили

– Любимый, это все-таки мой отец. Я сделала последнюю попытку поговорить с ним. Не могла не поговорить. Простишь меня?

– Уже простил, сердце мое. И что он? Гневался? Кричал?

– Нет! Вовсе нет! Он, безусловно, не в восторге, но мое счастье для него выше политики. Так он сказал. И он не будет препятствовать нашей свадьбе, милый. Я так рада, так счастлива, а ты?

– Счастлива ли я? Голубка, ты примирилась с отцом и обрела долгожданный покой. Он благословит наш брак и наших детей. Твое бедное сердце не будет более разрываться между нашей любовью и долгом по отношению к трону и Традициям. Ты рада, ты счастлива, что еще нужно мне в жизни более чем счастье любимой?

– Генрих, любимый, меня ждут на церемонии. Это займет совсем немного времени. А потом я вернусь и наконец, представлю своему отцу человека, которого я полюбила вопреки его запрету, вопреки Традициям, полюбила больше жизни. Жди меня здесь, милый. Я скоро.

– Я готов ждать тебя всю жизнь, а если понадобится – несколько жизней.

– Люблю тебя. Убегаю.

Захлопнулась дверь. Стук каблучков еще долго отдавался гулким эхом в длинном коридоре. Генрих, наследный принц Прибрежных Земель, опустил на кресло, которое недавно занимал тан и прикрыл глаза.

– Можешь зайти, – негромко сказал он, – я знаю, что ты все слышал.

Без скрипа отворилась потайная дверь, откуда несколькими минутами раньше появился сам принц, и в покоях принцессы оказался человек, сопровождавший Его Высочество в лесу. Оглядевшись по сторонам, он сделал несколько неслышных шагов и замер в ожидании.

– Старый лис что-то задумал, – Генрих отнюдь не выглядел счастливым женихом, – эта дура испортила мне такой замечательный план. Теперь можно только надеяться, что ее папаша позволит нам покинуть свои владения. Или же найти способ уговорить ее сбежать. Как договаривались.

– Осмелюсь заметить, высокий принц, но принцесса только что сказала...

– Принцесса всего лишь пересказала мне то, что в свою очередь услышала от папочки – тана. А этот хитрец пообещал бы ей даже луну с неба, лишь бы она не артачилась и приняла участие в их хрЕновой церемонии. Потому что на нашу свадьбу тан не согласится, даже если его посадить голой задницей на муравейник. Проклятая порода. Упрямец на упрянце. И дочка вся в папашу.

– Да простит мне высокий принц мою дерзость.

– Говори.

– Я полагал, что вы ее любите?

Генрих развернулся в кресле и посмотрел на своего помощника удивленно. Так, словно видел его впервые.

– Глянь-ка. Вот так служит тебе человек. Буквально бок обок с тобой несколько лет. И ты, конечно, думаешь, что изучил его. Все его повадки, тайные мысли, желания и скрытые инстинкты. А потом оказываешься перед фактом, что вместо наемного убийцы платишь деньги рыцарю без страха и упрека. Ты, оказывается, полагаешь? А я думал, ты все больше шею сворачиваешь и глотки режешь. Кстати, один из подданных моего дражайшего тестюшки валяется там, на травке укрытый твоими чарами. С метательным диском в переносице. Своеобразный свадебный подарок.

– Ну, раз уж на то пошло, – продолжил он, после небольшой паузы, – отвечу. Потому что имею такую охоту – ответить тебе. Лайониэль безусловно хороша. Немного тоща, правда, но это пройдет с возрастом. К сожалению, ничего не могу сказать ни о ее темпераменте, ни о скрытых в ней талантах. Потому как ты сам знаешь – перепихнуться с ней у нас не получилось. Традиции. А также катастрофическая нехватка времени и отсутствие свободной кровати. Так что любовь была возможна, если бы не трагическое стечение обстоятельств, постоянно разделявшее два любящих сердца.

– Понимаю, высокий принц.

– Ни хрена ты не понимаешь. Потому что не видишь дальше своего капюшона и выполняешь только то, зачем тебя наняли. Любовь не стоит и пустой скорлупы там, где появляется возможность вбить клин между северными и южными эльфами. Золотое Поле – житница эльфийского кланового союза. Тьфу. Да если бы принцесса была хрома, горбата и косила на оба глаза, я бы признавался в любви к ней с не меньшим пылом и страстью.

– И вы считаете, что тан...

– Да. Как бы он не любил единственную дочурку. Добровольно на наш брак не согласится. Потому что у него другие планы. Не менее далеко идущие. Вся эта идея со свадьбой – полная чушь. Иное дело – похищение. Бегство. К моему дражайшему родителю. Имея такую заложницу, можно будет вить веревки из старика. Точнее, можно было бы. Потому что эта влюбленная простушка сдала нас вместе с потрохами. Одна надежда – она не потащит папу сюда, а явится после церемонии к себе в покои, как и обещала. И тогда мы сбежим. С ее согласия или без него. Потому что иначе...

– Тихо, – наемник поднял руку и прислушался, – кто-то бежит.

– Так быстро? – удивился принц.

– Нет. Не принцесса. Тяжелые сапоги. Шпоры. Бежит один. Не эльф.

Теперь принц и сам услышал, как к покоям принцессы приближаются чьи-то торопливые шаги. Он сделал знак помощнику – тот замер возле входной двери, выпуская из рукава тонкий шнурок и пробуя его на прочность. Сам принц поднялся с кресла и замер посреди зала, скрестив руки на груди и придав лицу надменное и презрительное выражение.

Дверь распахнулась, и внутрь буквально ворвался запыхавшийся Гонверт.

– Тьфу, – принц подал знак наемнику, – тебе чего еще здесь нужно? Ты уже должен быть возле лошадей, если я не ошибаюсь.

– Измена, высокий принц, – тяжело дыша, ответил Гонверт, опасливо оглянувшись на внушительную фигуру за спиной, – вас ищут по всему замку. Ищали среди гостей под вымышленным именем. Всех людей заперли в Башне Вопросов. Не найдя вас среди них, обыскивают комнату за комнатой. Вот – вот перекроют дороги. Бегите, высокий принц. Спасайте жизнь ради блага королевства.

«Glaasejwold» (Зеркало мира) песнь девятая. «Сага о гибели мученицы Лайониэль ле Аэд Тейле Инэд в день празднования Весеннего Равноденствия» (отрывок)

И повинувшись тайному знаку, поданному нечестивым предводителем их коварным принцем Генрихом, выхватили люди из под плащей оружие, до поры там припрятанное, и с яростью на беспечно пировавших эльфов набросились. Позабыв и законы гостеприимства и то, что прежде с ними клятвами в вечной дружбе обменивались. И наполнился тотчас пиришественный зал стонами раненых и хрипами умирающих. И тщетно пытались эльфы из ада сего спастись бегством, ибо везде достигали их мечи и кинжалы убийц – людей. И резали те эльфов без пощады в количестве несметном.

И вдруг, подобно ангелу, спустившемуся с небес, в золотой короне на роскошных волосах цвета меди, появилась на этом побоище принцесса Лайониэль. И словами, исполненными благородного негодования, попыталась образумить людей в неистовство впавших. И дивясь красоте столь совершенной, внимали люди, жаждой убийства опьяненные, словам ее. И оставались, с изумлением глядя на дела рук своих.

И увидав сие, будто дикий зверь зарычал клятвенный преступник Генрих. Ринулся он, потрясая окровавленным мечом к бесстрашной деве, и будучи исполнен жажды смертоубийства, трижды вонзил свой клинок в беззащитную девичью грудь.

Без единого стоны пала наземь мученица. Закрылись ясные очи ее, и с тихим вздохом отлетела безгрешная душа ее в Обитель Великой. И в тот же миг распахнулось небо, и услышали и люди и эльфы и все кто был в зале Глас громкий с небес исходящий и великой скорби исполненный: – Дочь моя... дочь моя любимая... жестоко отплачу я убийцам твоим за безвинную гибель твою.

И пала с небес молния на замершего в суевном ужасе проклятого убийцу Генриха и испепелила его. И исполненные ужаса от увиденного бросали люди наземь мечи и кинжалы

свои и бегством спастись пытались от гнева небесного. И повсюду настигали их молнии, падающие с небес, и разили их без промахов.

И когда последний из убийц пал, небесным огнем пораженный, сделалась всюду тишина...

«Повесть о благородном рыцаре Генрихе, павшем от злых чар эльфийской колдуньи» (отрывок)

...И прознав о том, что благородный принц Генрих путешествует подобно странствующему рыцарю без эскорта и свиты, тан Фильериаль вкупе со своей дочерью – колдуньей повели схватить всех людей, пребывавших в ту пору в их разбойных владениях. И дали знать бесстрашному принцу Генриху, что отпустят всех их живыми и невредимыми на свободу лишь тогда, когда он добровольно и без оружия явится в их замок на праздник Весеннего Равноденствия. И тотчас же бесстрашно поспешил благородный Генрих навстречу своей гибели, вверив себя Божьему Произволению. И достиг он замка как раз в день Весеннего равноденствия, когда тан с приближенными и нечестивой дочерью – ведьмой уже пиروвали в своих проклятых чертогах. И увидев людей, закованных в цепи, вскричал громовым голосом: – Я явился на твой зов, вероломный тан. Будь же теперь ты верен своему слову и отпусти на волю всех людей, кого пленил. И в ответ злобно рассмеялся тан и отвечал благородному Генриху так: – Всех людей принесу я в жертву на этом празднике и тебя в том числе.

И в тот же миг бросились слуги тана на людей и начали убивать их своими кривыми ножами. А отборные слуги числом более сотни набросились на благородного Генриха дабы умертвить его. И воззвав к Богу бесстрашно бросился благородный Генрих на своих убийц и даже будучи невооруженным, сокрушил их числом немалым.

Но дочь тана – нечестивая ведьма Лайониэль вероломно бросила заклятье на доблестного рыцаря, отчего покинули его силы, и сделался он беззащитен, как младенец. И тотчас набросились на него эльфы и девяносто и девять раз пронзили его мечом. И рвали плоть его на части подобно бешеным псам. И увидев кровь его на руках своих, веселились и впали в неистовство. Он же благословлял своих мучителей кротко.

И в тот же миг, когда пал на землю изрубленный и исколотый мученик, прокатился по небу раскат грома. И пал с неба язык пламени на эльфийскую колдунью и испепелил ее. И убоявшись кары небесной, бежали эльфы из зала. Но везде настигали их языки пламени и жгли их нещадно. И когда опустел зал, сделалось всюду тихо...

– Символизм. Всегда и во всем. Не есть ли это неотъемлемая часть Традиций, Тиеднель?

– Светлейший тан совершенно прав. Но я не совсем понимаю спешности, с которой понадобился ответ на такой, я бы сказал весьма глубокий и философский вопрос.

– Тиеднель, – тан укоризненно покачал головой, – все такой же старый брюзга. Мне думается, что ты таким и родился. Вечный постоянно брюзжащий старик. Ну, а того, что твой тан возжелал прервать твое добровольное затворничество и захотел удостоить тебя своей беседы в столь светлый праздник? Этого ты, разумеется, не допускаешь? Молчи. Не отвечай. Твой ответ ясно написан у тебя на лбу морщинами. Не допускаешь. И правильно делаешь. Потому что понадобился ты мне, мой верный Хранитель Традиций, по весьма скользкому и деликатному вопросу.

– Я весь внимание, пресветлый тан.

– Выпьешь? – тан сделал рукой неопределенный жест, – вина. К примеру, вот это – присланное с Побережья. Весьма, надо признать, недурственное. Или до сих пор предпочитаешь пиво, как и твой народ?

– Благодарю пресветлого тана. Пью исключительно воду.

– А ешь исключительно книжную пыль, – серьезно кивнул тан, – нельзя сказать, что я всецело одобряю твой образ жизни, но, по крайней мере, отношусь к нему с уважением. Потому

что ты целиком и полностью сосредоточен на главном. Ты всего себя отдаешь благородному и непростому делу воспитания принцессы. Отчего ты молчишь теперь? Самое время с поклоном поблагодарить меня за оказанную честь и уверить в том, что ее высочество постигает, изучает и мудростью несоразмерно превосходит всех своих сверстниц.

– Именно так, пресветлый тан. Слова были буквально сняты с моего языка.

– Дерзишь, Тиеднелъ. Значит, созрел для откровенности. Итак, – тан выдержал небольшую паузу, – ты ничего не хочешь мне рассказать? Может быть, поделиться чем-нибудь? Нет ничего такого, что тревожит твой дух и мешает спокойно пить воду, есть пыль и спать?

– Благодарение Великой, пресветлый тан. Все находится в разумной гармонии.

– Это похвально, Хранитель. Весьма похвально. Ну, а твоя воспитанница сиречь моя дочь? Благополучно ли протекает ее обучение и тем паче воспитание? Какие-нибудь неудачи или наоборот, преуспевание?

– Ее высочество выше всяких похвал. Неудачи обходят ее стороной. Более же всего она преуспевает в изучении истории.

– Вот это замечательно, Тиеднелъ друг мой. Я сам как раз недавно озаботился одной мыслью по совершенной случайности тесно связанной именно с историей. Не просветишь меня?

– К услугам пресветлого тана.

– Тогда ответь своему тану. Твоя должность. Должность Хранителя Традиций. Она всегда передавалась, так как это было в случае с тобой? Не понимаешь? Хорошо, объясню более доходчиво. Всегда ли имя своего преемника называл предыдущий Хранитель?

– Осмелюсь заметить, пресветлый тан, имя преемника открывается настоящему Хранителю самой Великой.

– Ну да, ну да, – тан презрительно поднял бровь, – хорошо, перефразирую вопрос. Всегда ли удавалось Хранителю называть имя преемника? Быть может, бывали случаи, когда какая-нибудь досадная случайность вмешивалась в ход истории? Я это так спрашиваю из интереса.

– Всегда готов удовлетворить интерес пресветлого тана. Такие случаи бывали. В правление вашего батюшки, например, такие случаи, происходили весьма часто. На этот случай в Академии Мудрости был даже разработан и принят соответствующий порядок. Так сказать, еще один символ. Символизм, как мудро изволил заметить высокий тан в начале нашей беседы...

– Хватит, – резко прервал его тан, – мне опротивело смотреть, как ты изворачиваешься словно змея, попавшая в костер. У тебя был шанс спасти свою жалкую шкуру. Что ж. Ты им не воспользовался – это твой выбор. Молчишь? Нечего сказать? Понимаю. Глупо было бы требовать от низушка воспитания принцессы в духе гордости за эльфийскую расу. Ты не Хранитель Традиций, Тиеднелъ, ты их Осквернитель. И в историю, которую так любит моя дочь, ты войдешь не великим Примирителем Враждующих, а всего лишь жалким сводником. Изменником, предавшим дом, взрастивший тебя и поднявший до небывалых высот. Или ты попробуешь убедить меня в том, что тебе ничего не известно о шашнях моей драгоценной дочери с этим круглоухим ублюдком? Как ты мог, Тиеднелъ? Она выросла у тебя на руках. Ты был для нее всем. Убирайся с глаз моих. Стой, – тан движением руки удержал поклонившегося Хранителя, – я не желаю тебя видеть больше, низушок. Никогда. Если у тебя осталась хоть капля чести – сделай то, что должен сделать. Просто умри. И тогда – клянусь – я уберегу твое имя от позора. Если же ты выберешь другой путь – что ж, будь по-твоему. Но тогда я буду вынужден найти тебя. И покарать. Поглядим, сможешь ли ты забиться в такую дыру, где бы ни достал тебя мой справедливый суд.

– В этом, – прокашлялся Тиеднелъ, – нет необходимости. Несмотря на несоответствие наших взглядов на честь и воспитание принцесс, убежать я не собираюсь. Все произойдет в соответствии с пожеланиями пресветлого тана. И моими взглядами на честь.

– Одно слово, – тан схватил рукой за рукав поднявшегося со скамьи низушка, – почему?

– Потому, – со вздохом ответил Тиеднель, – что если разговор заходит о любви, все имеющиеся представления о Традициях терпят фундаментальные изменения. Равно как и знания, приобретенные до наступления подобных обстоятельств. Не мог бы пресветлый тан отпустить мою руку, коли он, уже получил ответы на свои вопросы? У меня, к сожалению, появилось срочное и безотлагательное дело. Я собираюсь умереть.

– Тинаэль Миле аэд Синвааль к услугам метрессы.

– Синвааль? Уж не дочь ли вы Льениэль Синде?

– Внучка, ваша ученость

– Подумать только, внучка. Как быстро и безжалостно летит время. Ну, не волнуйтесь, дитя мое. Давайте сюда вашу работу... так... так... замечательно. У меня, собственно, никаких вопросов нет. Вот разве что кто-нибудь из комиссии? Так сказать, на сладкое. Чтобы целиком и полностью подтвердить оценку «отлично»?

– Позвольте мне, коллега, небольшой дополнительный вопрос. Ну, а категорию предлагаю выбрать самой абитуриентке. История, литература или философия?

– Если позволит метресса, то история.

– Что ж, не затруднит ли вас ответить когда и по чьей инициативе возникли изменения в Традиции Празднования Дня Весеннего Равноденствия? И в чем эти изменения собственно, заключались?

– Я готова ответить, ваша ученость.

– Благоволите.

– Данная инициатива проистекала от тана Фильериала ле Аэд Стельвааль. В последний предвоенный праздник Равноденствия накануне вторжения короля Ингвара...

– Клятвопреступника Ингвара, – строго поправила метресса.

– О, разумеется, ваша ученость, накануне вторжения клятвопреступника Ингвара Паршивого, произошел мятеж среди приглашенных на празднование людей. Тан посчитал, что следует отложить церемонию на время, необходимое для подавления бунта. По этой причине Ритуал, который прежде заканчивался с первым лучом утреннего солнца, в это время только начался. Факелы были потушены за ненадобностью, ибо «будучи окрашено в нежные розовые тона утренней зари, торжество сие благолепием своим превзошло все допрежь проводившиеся». Это я цитирую, ваша ученость.

Кто-то из комиссии беззвучно зааплодировал, а абитуриентка, вспыхнув от радости, продолжала.

– Присутствовавшие Посвященные нашли, что от этого церемония выглядит более праздничной и полгода спустя, было официально объявлено, что «беспорядки без сомнения явились промыслом Великой, дабы иметь своим последствием перенос церемонии на новое время». Снова цитирую, ваша ученость.

– Достаточно. Bravo, дитя мое. Ваша бабушка, вне всякого сомнения, может гордиться такой внучкой. Передайте ей...

– Прошу меня простить, ваша ученость, она умерла...

– Какой кошмар. Какая большая утрата. Прошу Высокую Комиссию почтить память моей почившей подруги вставанием. Благодарю. Прошу садиться. Ну, а вам, дитя мое, – высший балл. Поздравляю Вас. Вы приняты в Академию. Куда, если не секрет, собираетесь писать прошение? Наверняка на факультет истории?

– Именно так, ваша ученость.

– Ах, молодость, пытливость ума, желание прикоснуться к неразгаданным тайнам прошлого, судя по вашей небывалой подготовленности, интересуетесь Смутной Эпохой? И, разумеется, от корки до корки перечитали все книги и рукописи, связанные с легендой вокруг мученицы Лайониэль?

– Так, ваша ученость.

– Как это мне знакомо, дитя мое. Как все это мне близко, вы даже не представляете, в свое время я тоже... что? Экзамены? Подождут немного. И вообще, уже давно настало время обеда. Да. Объявляю перерыв. Все свободны. Да. Пошли вон все. Я, в конце концов, имею право минутку поговорить с внучкой своей подруги, которую не видела около... гхм... в общем давно, и только что узнала о ее смерти. Дитя мое, если не секрет, скажите, сторонником какой версии случившегося вы являетесь? Только не говорите, что официальной, иначе вы меня разочаруете

– О, нет, ваша ученость, вовсе нет. Дело в том, что мне удалось получить разрешение на доступ к бумагам Тиеднеля Отступника!

– Ха! В этих бумагах не копался разве что ленивый гном. И толку от этого – ноль. Всем известно, что Тиеднель дневника не вел. Так, стихотворные изыски, ничего интересного.

– Да простит меня метресса, я дерзнула просмотреть его исследования в изготовлении амулетов и труды по метафизической теории пространства и времени..

– Сколько вам лет, голубушка? – после неловкой паузы спросила преподавательница

– Скоро девятнадцать, ваша ученость.

– Мда. Это я так, продолжайте же.

– Дело в том, что из этих бумаг явно следует, что Тиеднель изготовил по просьбе принцессы Лайониэль для нее и для принца Генриха магические кольца. Будучи использованными одновременно, с интервалом в один час, они имели силу перенести астральные тела своих хозяев в иной мир! К сожалению, записей по этой технологии Тиеднель не делал. Оттого-то они так и остались отрывками, не имеющими научной ценности. Потому-то мне и удалось...

– Бред. Чушь. Собственно, теория далеко не нова. Нашлись романтически настроенные личности, которые захотели предать этой истории сказочный подтекст. Кстати, уже после войны. Потому что во время нее за такие мысли по головке бы не погладили. Я ценю ваше упорство. Но есть пара мелочей, которые не оставляют от вашей версии камня на камне. Например, с чего вы вообще взяли, что кольца Тиеднеля были изготовлены именно для принцессы и принца?

– Изготавливая кольца, Тиеднель опирался на данные гороскопа Генриха и Лайониэль, ваша ученость.

– Тогда тем более ничего не понятно. Хорошо. Пусть кольца сделаны для тех, о ком вы думаете. Но, дитя мое, если с тело Лайониэль действительно исчезло при невыясненных обстоятельствах, то с принцем Генрихом все обстояло до банальности просто. Если отбросить весь этот человеческий бред об истыканном мечами страдальце, то уж труп со следами удушья, найденный в покоях принцессы – это совершенно явный исторический факт. Следовательно, он никак не мог эээ... «переместиться астрально».

– Да! Именно так, ваша ученость! Но дело в том, что в день своей смерти Тиеднель пытался изготовить еще один амулет! А когда понял, что не успевает – попытался перестроить старый артефакт – но уже под нового владельца! Среди его бумаг был один лист, датированный именно тем числом, когда праздновалось Равноденствие! На него просто никто не обратил внимания – ведь он не содержал ничего кроме формул! Но если сложить все эти обстоятельства воедино, то получается, что вместо Генриха по Звездному Мосту с принцессой ушел совсем другой человек! Ваша ученость, что с вами? Вам плохо? Эй, кто-нибудь! Лекаря к госпоже метрессе!

Все было как в тумане. А в голове непрерывно звучала музыка. Причем, не какая-нибудь случайная, а свадебная мелодия, исполняемая в ее воображении на Belleyswaag – музыкальном инструменте, представляющем собой множество хрустальных колокольчиков разной тонально-

сти. Искусные музыканты, касаясь этих колокольчиков хрустальными же молоточками, добились волшебного чарующего звучания.

Церемония близилась к концу, колокольчики в голове звучали все торжественнее и веселее. Душа замирала от счастья, и сердце было готово выпрыгнуть из груди. На губах у Лайониэль замерла счастливая улыбка, которую она даже не пыталась скрывать. Многочисленные гости, откровенно любовавшиеся ею, относили ее счастливый вид к всеобщей праздничной атмосфере и одобрительно кивали головами – не каждый из присутствующих готов был похвастаться, что воспитал собственное чадо в столь совершенном духе следования Традициям. Если уж ребенок столь проникнут торжеством момента – это явная заслуга воспитателей и в первую очередь родителей. Таким сыном или такой дочерью можно гордиться с полным на то основанием.

А как она была хороша! Даже эльфы, весьма скупые на проявления чувств, не могли удержаться от восхищенных возгласов, когда юная принцесса в окружении сонма Посвященных и послушниц приняла из рук одного из Хранителей венок из первоцветов, которым немедленно украсила рассыпавшуюся по плечам копну темно-каштановых волос.

«Сказать что она красива – значит, не сказать о ней ничего», – громко произнес кто-то в толпе. На него зашикали, но беззлобно. Скорее, для порядка.

Оставалась заключительная часть. Ритуал Подношения. Кубки с вином, в количестве четырех, держали стоящие за спиной у Воплощения Великой четыре юные послушницы – совсем девочки, одетые соответственно в белое, желтое, алое и зеленое платья, символизирующие четыре времени, на которые делил год эльфийский календарь.

Повинуясь знаку Лайониэль, первой шаг вперед сделала девочка, одетая в воздушное платье ослепительной белизны, щедро украшенное серебряными нитями, – олицетворение ушедшей зимы. Волосы девочки были белее снега и собраны в сложную замысловатую прическу, в которой поблескивала бриллиантовая диадема. Девочка с поклоном подала принцессе большой хрустальный кубок, наполненный белым вином.

– Кубок Мира и Мудрости, – громко воскликнула Лайониэль, высоко подняв руки так, чтобы было видно всем, – в ознаменование ушедшей зимы и в знак примирения с зимней стужей прошу я, Воплощение Великой, принять тебя, достойный тан Авельдвааль из клана Серебряных Копий! И да воссияет в сердце твоём свет мудрости – свет вечный!

Под одобрительный гул гостей, собравшихся на площадке, где проводилась Церемония, поднялся высокий светловолосый эльф, на плечи которого был наброшен темно-синий плащ с изображенным на нем гербом клана – двумя скрещенными серебряными копьями. Он с поклоном принял предложенный ему кубок. Кратко поблагодарил Великую за оказанную ему честь, и не торопясь, начал пить. Опустошив кубок, он перевернул его, дабы все удостоверилось, что в нем не осталось ни капли, и с поклоном покинул площадку.

– Кубок Счастья! – толпа замерла в ожидании, настала тишина. Ибо древняя Традиция, гласила, что если воплощением Великой на празднике была юная девушка в возрасте, подходящем для замужества, кубок она вручала своему будущему жениху, – прошу принять тебя, благородный танет Ваальдиэль из клана Единорога. И да сопутствуют тебе в жизни счастье и удача.

Толпа тотчас же зашумела, обсуждая возможные выгоды подобного альянса и единодушно выражая одобрение выбору принцессы. Танет Ваальдиэль, сын тана клана Единорога между тем поднялся на площадку, где в точности повторилась церемония опустошения кубка. Затем он вернулся к своим товарищам из клана, встретивших его одобрительными похлопываниями по плечу и весьма смелыми вопросами и шутками. Танет добродушно отшучивался и все пытался поймать взгляд Лайониэль, которая уже принимала из рук девочки в желтом платье, расшитом золотом и янтарем, Кубок Солнца, наполненный медом. Его под громогласные одобрительные крики удостоился тан Мильвеэль из клана Синих Озер, покрывший

себя неуязвимой славой победителя диких орков, вторгшихся в его владения несколько лет тому назад.

– Кубок Плодородия! – девочка в ярко-красном платье, усыпанном гранатами и рубинами подала принцессе последний четвертый кубок, – прошу принять тебя, благородный тан Фильериаль, тан эльфов Золотого Поля! И да не прервется род твой и да не будет засухи на землях твоих!

Лайониэль со счастливой улыбкой протянула кубок отцу, медленно и с достоинством вышедшему навстречу своей дочери. Она встретила с ним взглядом. И в тот же миг музыка в ее душе оборвалась. Словно невидимый музыкант вдруг неистово ударил по хрупкому хрусталу и колокольчики многочисленными осколками вонзились в незащищенное сердце. Не отрывая от нее победного взгляда, отец медленно пил терпкое темно-красное вино. Она продолжала машинально шептать приличествующие случаю слова благословения. Отец торжественно благодарил Воплощение Великой за честь, оказанную его дому, но глазами они вели меж собой совсем другой неслышимый посторонним разговор.

– Итак, отец, ты снова обманул меня?

– Так надо, дочь.

– Кому, отец? Мне? Тебе?

– Всем нам. В том числе мне и тебе. Цель, стоящая перед нами...

– Цель настолько важна, что оправдывает подлость по отношению к дочери?

– Подлостью было бы ничего не предпринимать и дожидаться пока твой круглоухий ублюдок не заставит тебя прясть и вышивать, в то время как сам он будет бражничать и охотиться. Ты хотела бы для себя такой жизни?

– Моя жизнь – это моя жизнь, отец

– Ошибаешься. Твоя жизнь – это страница истории нашего клана. Такова судьба всех венценосных особ, дочь. Мы не принадлежим себе. Когда-нибудь ты сама будешь смеяться над своими детскими капризами.

– Где Генрих?

– Дочь...

– Где он, отец?

– Забудь о нем. Так будет лучше в первую очередь для тебя.

– Он убит?

– Пока нет. Но мы знаем, где он скрывается, и его вот-вот схватят... ну, а тогда... пойми меня правильно.

– Слава Великой. Значит, он успеет.

– Успеет что? Сбежать? Увы, дочь моя, надеяться на такой случай не имеет смысла. Рано или поздно ты меня простишь.

– Боюсь, что нет. У меня просто не будет для этого времени. Прощай, отец.

Тан перестал пить и беспокойно посмотрел на дочь. Взгляд из победного превратился в озадаченный. Принцесса же кусая губы чтобы не разреветься при большом скоплении народу, сняла с безымянного пальца правой руки тонкое кольцо, сделанное из непонятного черного материала и несколько раз глубоко вздохнув надела его на безымянный палец левой руки.

Мир вокруг завертелся в стремительном водовороте, из которого словно картинки из калейдоскопа выхватывались отдельные сцены из ее жизни.

Она и Генрих возле лесного ручья. Их первый поцелуй.

Вот она в лаборатории Тиеднэля просит его изготовить для нее и Генриха амулеты для перемещения в пространстве.

«Тиеднэль, пойми меня, я бы ни за что не просила тебя без крайней на то необходимости»

Он вздыхает и качает головой.

Вот она чуть ли не насильно надевает черное кольцо на безымянный палец Генриха

«Глупый, это просто на всякий случай. Оно не убьет тебя. Просто может случиться так, что нам нужно будет бежать далеко-далеко. Ну, не упрячься, милый. Не заставляй меня думать, что я влюбилась не в того мужчину»

В наступившей тишине гости вытягивали шеи, пытаясь разглядеть внимательнее новую Традицию и хотя бы отчасти угадать ее смысл.

А Лайониэль меж тем подняла глаза, огляделась, словно не понимая, отчего здесь собралась такая большая толпа и мутнеющим взором посмотрела прямо на отца. Тот с пустым кубком в руках, не шевелясь, глядел на дочь, расширившимися от ужаса глазами. Тонкая струйка вина стекала по его подбородку и пачкала белоснежный ворот рубашки.

– Кровь, – слабеющим голосом произнесла принцесса, – умоешься кровью, великий тан. Глаза ее закатились, и она мешком осела на церемониальную площадку.

– Решайтесь, мой принц, – почтительно повторил Гонверт, – ни минуты не сомневаясь в вашем мужестве, я все же рассчитываю на ваше благоразумие. Немного чести в том, чтобы дать себя зарезать как барана, – и добавил, видя, что тот колеблется, – поверьте, принцессе будет гораздо легче оправдаться перед отцом. В случае если вы будете в безопасности. А мы при первой возможности повторим попытку.

– Кавалер Гонверт, – принц приосанился, пытаясь придать себе истинно королевский вид, – ваши заслуги перед троном будут должным образом оценены. Вы совершенно правы. Мы возвращаемся. Немедленно.

– С позволения принца я пойду впереди. В случае если при выходе из дворца нас будет ждать засада, я постараюсь отвлечь стражников. В этом случае вам удобнее будет вернуться и спастись через левый рукав тоннеля. Он выведет вас прямо...

– Мне известно, куда меня выведет левый рукав, – нетерпеливо перебил Гонверта принц, – ваше предложение я считаю мудрым. Ступайте, и да поможет нам Бог.

Ни говоря, ни слова, Гонверт слегка поклонился и подошел к портрету, изображавшему отца нынешнего тана в полном боевом вооружении. Прикоснулся к рамке, слегка надавил ладонью на одну из деталей орнамента. Тихо щелкнул скрытый механизм, и часть стены вместе с портретом подалась назад, открывая довольно широкий проход, освещенный масляными лампами.

Три четверти часа назад, патруль, отправленный для усиления постов по периметру дворца, обнаружил отсутствие одного из дозорных возле северной стороны. Его тело было обнаружено спустя еще пять минут с помощью магического сканирования местности. Уже перед тем как разрядиться окончательно, амулет поймал слабый сигнал со стороны заброшенного акведука. К сожалению, светлый тан вместе с первыми сановниками в данный момент принимал участие в Церемонии. Получить от него прямое указание возможным не представлялось, потому решение по ситуации принял ответственный начальник дворцового караула. Через пять минут, посланный в разведку эльф вернулся. Часто дыша от быстрого бега, он рассказал, что в пяти минутах быстрого хода на небольшой поляне он видел небольшой отряд людей – не больше полудюжины. Однако, свободных лошадей при них гораздо больше. Спешно отправленный гвардеец за подкреплением гвардеец вернулся через десять минут. Через четверть часа отряд был окружен. Пятеро людей были застрелены из арбалетов. Шестой был легко ранен и доставлен в Башню Вопросов. На месте была оставлена группа эльфов, надевших на себя плащи убитых людей. Само собой, Гонверту об этой хронологии ничего известно не было.

– Меня едва не стошнило от этой игры в рыцарство, – презрительно скривил губы Генрих, когда портрет вернулся на свое первоначальное место, – итак, – он задумался, – будем реалистами. Наверняка остроухие уже обнаружили не в меру ретивого часового, а значит, хоро-

шенько пошарили вокруг амулетами и разыскали людей Гонверта. Стало быть, если я хоть немного знаю эльфов, люди перебиты, и возле лошадей нашего рыцаря уже поджидают. Меня мало кто знает в лицо и некоторое время, пока кто-нибудь не разберется что к чему. Они будут пытаться взять его живьем, – продолжал он, рассеянно глядя на портрет, – а потом наверняка прикончат. Это дает верных полчаса форы. Мало, – с сожалением констатировал принц, – нужно как минимум час. наших лошадей ты отвел за лошину?

– Да.

– Магический колпак?

– Наброшен.

– Сколько ходу до лошины?

– Четверть часа по тоннелю через левый рукав. Затем еще четверть через лес. Амулет отвода глаз действует на всем протяжении пути. Дорога безопасна, высокий принц.

– Полчаса. Мало, – мрачно повторил Генрих, – до тракта в обход заставы через лес на лошади еще минимум три четверти часа. Значит, так, – он принял решение и внимательно посмотрел на своего слугу, – когда доблестный Гонверт получит, наконец, эльфийскую стрелу в свой мужественный затылок, и стража разберется что к чему – они сразу же кинутся сюда. Твоей задачей будет продержаться во дворце не менее получаса. На этом твоя служба короне будет окончена.

– Высокий принц знает правила.

– Ах, да, – поморщился Генрих и поднял вверх правую руку, – своим словом подтверждаю, что только что дал последнее задание своей «тени». На этом контракт между королевством Прибрежных Земель и Стерегущими считается расторгнутым.

Дзинь!

С металлическим звоном с руки человека, так и не снявшего капюшон, упал на пол тонкий металлический браслет.

– Благодарю высокого принца, – поклонился он, – не сомневайтесь. Задание будет выполнено.

– Не сомневаюсь, – холодно заключил Генрих, – с вами было приятно работать. Надеюсь, что моя следующая «тень» будет столь же профессиональна. Прощайте.

– Не так быстро, высокий принц, – человек в капюшоне ненавязчиво преградил дорогу к портрету тана, который, казалось, с любопытством наблюдает за происходящим. Несколько слов.

– Ну что там еще? – недовольно нахмурился принц, – я спешу.

– Не опоздаете, – уверил человек, – поверьте, высокий принц, вы уже никуда не опоздаете.

– Ты что несешь? – брови Генриха удивленно поползли вверх, – немедленно дай мне пройти. Ты забыл? Ты служишь мне, стерегущий.

– Уже не служу, – человек слегка зацепил носком сапога валяющиеся на полу обломки браслета, – само собой, – заверил он, – ваше последнее задание будет выполнено самым безукоризненным образом. Я как следует, помотаю остроухих по замку, высокий принц. Пусть мысль об этом станет вам утешением.

– Да ты спятил? – Генрих старался говорить уверенно. Получилось не слишком, – говори скорее чего тебе нужно и дай мне пройти.

– При всем моем уважении, высокий принц, отсюда вы никуда не уйдете. Будучи при вашей особе я успел составить о вас определенное мнение и пришел к выводу, что унаследовав трон своего родителя, вы принесет слишком много мерзости в этот и без того неидеальный мир. Не в правилах стерегущих обсуждать действия хозяина. Но легкость, с которой вы предали доверившуюся вам девочку – эльфу способна тронуть даже каменное сердце. Кто-то должен остановить вас еще до того, как вы сделаете первый шаг в качестве короля. И если не я, то кто?

– Погоди, погоди, – Генрих, видя, что бывший слуга начал медленно к нему приближаться, стал отступать назад, стараясь при этом, чтобы это не походило на бегство, – ты что, влюбился в эту су... эээ... в принцессу? Что за день такой, не побоюсь этого слова – рыцарский. Слушай, давай все обсудим. Ведь то, что я отказался от Лайониэль тебе только на руку. Ну, да, – воодушевился он, – вот, – принц с трудом снял с пальца кольцо из темного металла и протянул его человеку в капюшоне, – отнеси его принцессе, передай ей. Что я оказался сволочью недостойной ее высоких чувств и вообще не теряйся, ну?

Он со злобой бросил кольцо на пол, видя, что его совсем не слушают.

– Слушай, а как насчет того, чтобы продлить контракт? Я хорошо заплачу. Не главе Стерегущих, а именно тебе. А хочешь титул? Титул и земли, – в отчаянии закричал он, – подумай, какие блестящие перспективы для простого наемного телохранителя, а?

– Думать-то у меня получается не слишком, – доверительно сообщил в ответ наемник, выпуская из рукава уже знакомый принцу шелковый шнур, – я все больше шеи сворачиваю да глотки режу.

Тоннель, винтовая лестница, поворот, небольшой коридор, еще поворот, снова лестница, стоп. Стена без малейших признаков выхода и бронзовая подставка для факела, выполненная в виде ощерившейся волчьей морды. Теперь слегка надавить на бронзовый оскал и слегка повернуть его по часовой стрелке. Отлично.

Гонверт с наслаждением вдохнул свежий лесной воздух и, мельком глянув по сторонам, побежал знакомой тропой через ухоженный до паркового состояния лес. Не добежав до известной поляны пары сотен шагов, он остановился, осмотрелся по сторонам уже куда более внимательно. Затем прислонился спиной к одному из вековых дубов и вытащил из-за пазухи небольшой мешочек. Развязал на нем узелок и придирчиво всмотрелся в содержимое. Удовлетворенно кивнул головой. Вытащил из мешочка маленький черный камешек, крепко сжал его в кулаке и закрыл глаза, что-то сосредоточенно бормоча вполголоса. Прислушался. Где-то впереди, как раз там, где по его расчетам находилась поляна с лошадьми, раздались предупредительные крики. Защелкали арбалетные бельты, несколько стрел прощуршали по весенней листве. Крики стали более злобными, а потом постепенно начали удаляться.

Выждав еще немного, Гонверт начал потихоньку двигаться к поляне. Так и есть. Погнавшись за фантомом, которого он только что отправил, эльфы так увлеклись, что забыли обо всем на свете. Даже об оставленных лошадях. Непростительная оплошность.

– Он еще и прихрамывал, – раздался откуда-то сзади сбоку восхищенный голос, – ты растешь на глазах. А теперь медленно, ты хорошо меня слышишь? Медленно разведи руки в стороны, потом также медленно положи их на затылок и повернись. Попробуешь фокусничать – получишь бельт в затылок. Или в висок. Все зависит от того, на каком этапе, попробуешь что-нибудь предпринять. Ну, начинай.

Гонверт мысленно выругался.

– Габриель, – сказал он как можно дружелюбнее, – старый лис. Если бы я только знал, что ты лично будешь тут околачиваться, клянусь, я бы придумал что-нибудь более совершенное.

– Все было выполнено более чем совершенно. Все было просто потрясающе, – эльф обнажил в улыбке мелкие острые зубы, – виной всему моя исключительная недоверчивость. Ну, и разумеется, твоя лень. Выдумка с фантомом сама по себе очень неплоха, но, Гонверт, дружище, неужели ты надеялся, что сумеешь дважды поймать меня на один и тот же трюк? После твоего исчезновения во дворце тебе нужно было понять – второй раз такой фокус на меня не подействует. Никогда не удивляйся, приходя в гости к эльфу, – Габриель весело подмигнул и вновь стал серьезным, – Где ты держишь эту гадость? Наверняка в кисете или в кошельке, так? И кисет у тебя во внутреннем кармане. Покажи. Не рукой. Глазами. Ясно. Теперь медленно левой рукой достань его.левой, дружище, левой. Знаю, что неудобно. Это ничего. Так.

Теперь потяни за этот шнур. Так. Молодец. Умница. Теперь высыпай содержимое на землю. Отлично. А теперь пять шагов назад. Медленно и руки, разумеется, не опускаем.

– А ты стал тщеславным на старости лет, – покачал головой Гонверт, послушно отсчитывая шаги, – раньше за тобой этого не водилось.

– В самом деле? – эльф разрывался между желанием посмотреть на мерцающую россыпь камней и необходимостью целиться в Гонверта их арбалета, потому, занятый своими мыслями ответил несколько рассеянно.

– Именно, – кивнул головой человек, – ты ведь не стал останавливать остальных, так? Значит, собираешься пожать плоды победы в одиночку. Все меняется. И прежде всего, меняемся мы. Прежде, помнится, карьерный рост тебя не слишком интересовал.

– Не интересуется и сейчас, – эльф перестал коситься на горсть амулетов и целиком сосредоточился на разговоре, – считай, что я решил дать тебе шанс.

– Значит, руки можно опустить?

– Ценю твое чувство юмора. Хочу также заметить так сказать на всякий случай, что независимо от результата нашего разговора, в таком положении ты будешь находиться... когда растает призрак?

– Четверть часа. Простенькая магия.

– Плюс еще четверть часа на возвращение моих ретивых подчиненных, которые спят и видят когда же я, наконец, отступлюсь – значит, две четверти часа. Руки за головой и заряженный арбалет перед носом. Извини, но я слишком хорошо тебя знаю и вынужден относиться к тебе соответственно. Так что торопиться нам некуда.

– Понимаю и извиняю. И даже немножко горжусь. Не думал, что ты настолько меня боишься... прости... опасаясь.

– Шутник и балагур. Приятно будет работать вместе с тобой.

– Считаешь, что за две четверти часа мое бедное сердце настолько размякнет от дружеских чувств к тебе?

– Нет. Для начала попробую сыграть на твоей жадности. Ты же как-никак торговец. Ну, по крайней мере, называешься им.

– Ты будешь смеяться, Габриель, но я и в самом деле торговец. Ни на какой официальной службе не состою. Вольная птица.

– Был. И в чем же твой торговый интерес в этой сомнительной афере? Не думай – это не допрос. Мне просто интересно, чем тебя смог заинтересовать нищий королек Ингвар? И уж тем более непонятно что может связывать тебя с его беспутным сыночком?

– Оставим эту тему для допроса, если не возражаешь. Как ты справедливо заметил, нам действительно некуда торопиться.

– Гонверт, – в ясных глазах эльфа промелькнуло легкое беспокойство, – поверь, что для тебя будет гораздо лучше, и в первую очередь для тебя, если мы придем к мировому соглашению до того, как вернутся мои «бегуны». В этом случае я гарантирую тебе, что лично буду заниматься тобой и смогу предложить тебе очень достойные условия работы. Поверь...

– Не сможешь, – сочувственно глядя в глаза Габриелю, прервал его речь человек, – не хочу тебя расстраивать, но все это время ты разговариваешь с иллюзией. Еще более качественной, чем та – первая. Настоящий Гонверт в эту самую минуту... ага..уже переправился через высохшее русло реки, отвязав одну из лошадей, за которыми ты остался присматривать. Если бы ты не был так увлечен нашей беседой, ты бы смог услышать стук копыт. Хотя их обмотали тряпьем.

– Что ты несешь? – рявкнул Габриель. От его недавней предупредительности не осталось и следа, – говорящая рассуждающая иллюзия? Каждый, кто знаком с основами магии скажет тебе, что это невозможно!

– Ага. Скажет. Причем, каждый, – Гонверт зевнул, – тогда пристрели меня. А еще лучше пересчитай лошадей за спиной.

Габриель быстро повернул голову назад. Короткий взмах рукой – и с тихим свистом его шею обвил тонкий шнур, утяжеленный небольшим металлическим шариком. Габриель зарычал и даже успел выстрелить, хоть и наугад. Рычание почти сразу же перешло в хрип, глаза его неестественно выпучились, красивое бледное лицо покраснело, затем побагровело. Он изо всех сил пытался сорвать с шеи смертоносную удавку.

Не стоял на месте и Гонверт. Упал на одно колено, уходя с линии стрельбы, стремительно прыгнул вперед, сбил с ног эльфа, сорвал с него кожаный пояс, скрутил им руки у него за спиной, потом ослабил узел на шее Габриеля. Тот с хрипом втянул в себя долгожданный глоток воздуха и зашелся в приступе сухого кашля. Гонверт легонько стукнул его по шее ребром ладони, отчего тот кашлять перестал и немедленно уткнулся головой в ярко-зеленую траву.

Вся эта процедура – от поворота головы до ее бесславного приземления заняла меньше минуты. Еще около того понадобилось на то, чтобы собрать и сложить в кيسет только что высыпанные из него амулеты. Откуда-то издалека доносились сухие щелчки арбалетных выстрелов и крики, полные ярости. Очень скоро Гонверт скрылся совсем в другом направлении.

– Лекаря!

На церемониальной площадке, в святая святых культа Великой, было, что называется негде упасть яблоку. Когда тан, выронив Кубок, бросился вперед чтобы подхватить принцессу на руки, следом за ним как по команде ринулись многочисленные приглашенные. Опешившие служители были немедленно и без всякой почтительности оттеснены к самому краю, где они сбились в стайку и теперь изо всех сил вытягивали шеи, пытаясь разглядеть что-нибудь за широкими спинами гостей. Задние ряды напирали на передние, сжимая и без того небольшой клочок пространства, где тан на коленях стоял возле потерявшей сознание дочери.

– Немедленно очистите площадку! Лекаря! Принцессе плохо! Расступитесь! Дайте воздуха! – разноголосо зывали все подряд, причем совершенно напрасно – напор взволнованной разгоряченной толпы становился все сильнее. Отчаянно ругался танет Ваальдиэль, требуя, чтобы его немедленно пропустили «к обожаемой невесте», недовольно кряхтели стиснутые со всех сторон вельможи, первыми бросившиеся на площадку.

– Молчать!

Совсем немного времени понадобилось тану для того чтобы из безутешного отца вновь превратиться в могущественного властелина, привыкшего повелевать. И привыкшего к тому, что приказы его выполняются беспрекословно и немедленно.

– Ты и ты! (не глядя) – принцессу немедленно доставить в Башню Мудрости в лабораторию Тиеднеля. Ты! – оповестить всех медиков и магов, находящихся во дворце, что возможно потребуется их помощь. Пусть немедленно отправляются туда же. Вы все еще здесь?

– Светлейший тан, путь – нам не пройти через толпу.

– Ты и ты! Поднимите меня. Живо. Вот так. Теперь держите крепко. Свободные эльфы! Братья! Во имя спасения жизни Воплощения Великой нужно немедленно освободить проход в Башню. По моей команде на счет «три» все кто сейчас находятся ровно на середине лестницы, начинают отодвигаться в стороны. Во имя Традиций! Один! Два! Три!

Плотная масса пришла в движение, и буквально на глазах освободился довольно широкий проход. Достаточный для того, чтобы двое эльфов, подхватив бесчувственное тело принцессы, бросились вперед. За ними следом кинулся еще один – оповещать лекарей.

– Братья! – тан жестом приказал поднять себя как можно выше, – неслыханному оскорблению подверглись мы и наши Традиции в день Весеннего Равноденствия – в День Рождения Великой. Те, кому мы гостеприимно распахнули объятия дружбы, отплатили нам подлым змеиным укусом! – в толпе начал медленно нарастать недоуменный гул, свободное пространство

немедленно заполнилось вновь, – я располагаю неопровержимыми доказательствами того, что принцесса была отравлена!

Гул усилился, тан повысил голос.

– Около часа назад патруль обнаружил мертвого гвардейца из дворцовой охраны. Вслед за этим появились сведения о том, что люди, которых мы пригласили, дабы разделить с ними радость Sielfajmeen, в безумстве своем черном дошли до того, что вступили в сговор с наемными убийцами и замыслили нанести удар по самому святому, что хранит сердце каждого эльфа – по Традициям. И вот – все мы с вами явились свидетелями их низкого коварства и гремучей подлости. И вот теперь, свободные эльфы, я хочу спросить у вас какой должна быть расплата за поруганное гостеприимство и растоптанную честь?

– Смерть! – единодушно выдохнула толпа.

Обведя взглядом полным душевной боли лица, побледневшие и перекошенные от ярости, отмеченные жаждой убийства, тан сделал небольшую паузу, затем развел руки в стороны и повернул ладонями вверх.

– Не я, – пробормотал он, – не я потребовал справедливого возмездия, хоть я и потерял дочь.

– Так исполнится же твоя воля, свободный народ эльфов! – взвыл он, снова обращаясь к толпе, – кровь да изольется на лицо пролившего ее, и да отторгнется рука, поднявшая меч в доме гостя, – так говорят Традиции. И пусть никто из осквернителей не увидит захода солнца!

Но мало кто продолжал слушать слова тана. С диким ревом и воем эльфы бросились вниз по лестнице, перешагивая и топчя тех, кому не посчастливилось споткнуться на лестнице и не удержаться на ногах. К арсеналу. Туда, где согласно древним традициям складывалось оружие на время празднования Sielfajmeen.

Громкий леденящий душу вой застал его, когда он быстрым шагом чрезвычайно занятой персоны двинулся по дворцовым коридорам в непосредственной близости от галереи, которая вела к Башне Вопросов. Два небольших дела – и можно с чистой совестью покинуть замок. Лошади надежно укрыты от посторонних взглядов (в том числе магических), амулеты смогут ему избежать открытых столкновений с гвардейцами.

Через двое суток можно будет доложить Главе о выполненном заказе. Но перед этим, во-первых, нужно было выполнить последнее задание принца Генриха, по стечению обстоятельств ставшее его последней волей. А во-вторых... во-вторых, он, хоть и не признавался себе в этом, просто не мог покинуть дворец, не полюбовавшись в последний раз на Лайониэль.

– «Один единственный раз. Причем последний, – утешал он сам себя, – если когда-нибудь у меня еще выпадет шанс увидеть ее вновь, она наверняка будет замужем за каким-нибудь... елем из какого-нибудь клана, широко известного в пределах своих владений. Взгляну один раз. Только для того, чтобы поскорее забыть навсегда».

О том, что забыть ее навсегда – не слишком исполнимая возможность, он просто предпочитал не думать.

«Если хочешь облегчить себе выполнение задания – добейся того, чтобы у врага возникла головная боль совсем иного свойства». Сейчас вся дворцовая охрана сбилась с ног, разыскивая принца. Очень скоро тело обнаружат, но успокоятся ли на этом введливые эльфы? Не найдется ли среди них не в меру горячая голова, которая решит, во что бы то ни стало разыскать руку, которая покарала нечестивца? Или они еще чего доброго подумают, что убитый – двойник принца и кинутся его разыскивать с еще большим жаром? Рисковать ему не хотелось. И потому, когда Гонверт обмолвился, что всех приглашенных человеческой расы, эльфы отправляют в Башню Вопросов, план у него уже практически был готов. Освобождение пленников. Стопроцентное попадание. Охраны там немного – двое или трое юнцов, скучающих в ожидании допросов. Убрать их, открыть дверь и шепнуть людям, чтобы уносили ноги. Вот

тогда — то вся излишняя эльфийская прыть уйдет на то, чтобы переловить их заново. И охрану, пожалуй, нужно будет не убивать, а оглушить. Чтобы окончательно не взбесились остроухие.

Услышанным крикам он значения не придал — мало ли чего отчего они так вопят. Он уже практически подходил к входу в Башню и постарался целиком сконцентрироваться. Так и есть. Два молокососа с мечами наголо. Еще один, увидев его, начинает медленно заряжать арбалет. Слишком медленно, чтобы использовать — отметил он. Скорее всего, это так — демонстрация. Опережая их вопросы, он предупредительно поднял вверх руки, демонстрируя отсутствие оружия.

— Велено явиться в Башню Вопросов для уточнения личности, — почтительной скороговоркой прогнусавил он, униженно поклонившись, — светлейший Габриель лично повелел явиться, причем незамедлительно, хоть и не объяснил зачем. Я всего лишь купец и не понимаю...

— Ничего, — по южному растягивая слова, прервал его один из стражников, опуская меч, — тебе объяснят.

— А отчего тебя никто не провожает, круглоухий? — второй охранник тоже опустил меч и теперь смотрел на человека с нескрываемым презрением, — разве не бояться, что ты можешь сбежать по дороге?

— Сбежать? — человек всем своим видом изобразил почтительное недоумение, — но куда и зачем? Я верю, что все это лишь необходимая мера, которая вскоре...

— Ладно, хватит болтать, — третий гвардеец прислонил к стене арбалет и теперь возился, выбирая из связки нужный ключ, — пусть его. Скоро все это действительно закончится.

— Давай, — первый охранник слегка шлепнул его плашмя мечом по заду, — посидишь вместе со всеми в зале. Сейчас уже никого не разводят по камерам, так что ты...

И с легким стоном опустился на пол возле массивной железной двери, даже не успев понять, что с ним произошло. Прыжок, удар, снова прыжок, снова удар. Потом, даже не взглянув на упавшие на пол тела, он повернул уже вставленный в скважину ключ и открыл дверь. В просторном полутемном помещении на охапках соломы сидели и лежали люди, приехавшие на праздник Весеннего Равноденствия. Он выдернул из скважины связку и бросил ее в зал. С громким звяканьем ключи упали на пол. Люди насуплено смотрели на неожиданного посетителя.

— Спасайтесь, — коротко сказал он, — если кого-то из ваших друзей или близких развели по камерам — спасайте их сами. Здесь ключи, отобранные у охранника. Но я советую вам бежать немедленно. Вас не пощадят. Да поможет вам Единый.

И не дождавшись ответа, решительно зашагал прочь по уже знакомой галерее. Теперь наверх. По черной лестнице через столовую для персонала и по хрустальному мосту в Академию. Оттуда подняться на Башню Мудрости. Совсем рядом с лабораториями есть чудесное место, откуда вся церемония видна как на ладони. Сейчас как раз должен заканчиваться Ритуал Подношения. Потом краткая речь тана и Прощальное Благословение Великой. А потом можно и домой.

За поворотом послышались чьи-то торопливые шаги. Двое эльфов. Тащат что-то не слишком тяжелое.

«Прислужники из Академии» — подумал он, — «Наверняка оборудование для лабораторий или иная чушь». Он замер, стараясь целиком слиться со стеной. Шаги приблизились, замерли, потом один из прислужников видимо передал другому с рук на руки груз, шаги возобновились...

В голове у него вдруг сильно зашумело, кровь тяжким молотом ударила в виски. Из-за поворота выскочили двое богато разодетых придворных. На руках один из них нес бесчувственную Лайониэль. Голова ее была бессильно откинута назад, будто у сломанной куклы.

– Да, – Тиеднелъ осторожно провел рукой по ярко-медным волосам, убрал со лба особо непослушную прядь, – все вышло именно так, как я полагал. Ну, а он? – низушок, подслеповато щурясь, взглянул на человека в капюшоне.

– Кто он?

– Ее принц? Счастливый избранник? Он последовал за ней?

– Не совсем, – после небольшой паузы ответил человек в плаще, – последовать – то он последовал, но не туда, куда собирался сам, и не туда, где его, как я немного понимаю, ждут.

– Ждут, – Тиеднелъ очень серьезно кивнул головой, – это ужасно, мой недоверчивый пришелец, все это более чем ужасно. Если я тебя понял правильно, принц пытался бежать из дворца и был убит.

Человек молча, кивнул головой.

– Не хочу показаться бестактным, – кашлянул Тиеднелъ, – но что-то мне подсказывает, что убил его ты.

– Да, но...

– Ради праздника, избавь меня от подробностей и объяснений, – поморщился Тиеднелъ, – давно ли принцесса в таком состоянии?

– Около четверти часа, плюс минут пять минут. Как говорил эльф.

– Ясно, – протянул Хранитель, – третий вопрос снимается. Я хотел спросить, как вышло, что ты принес ее сюда. Было бы трудно поверить, что Воплощение Великой доверили доставить в Башню какому-то круглоухому Seilejv, к тому же прячущему свое лицо под капюшоном. Эльфа ты тоже убил?

– Нет

– И на том спасибо.

– Просто усыпил на какое-то время.

– Вот так просто взял и усыпил? – усомнился низушок, – впечатляет. Весьма.

И помедлив, добавил: – Если бы сюда явился тан и, заламывая руки, принялся бы ползать передо мной на коленях, чтобы я помог его дочери, это было бы понятно – тан не имеет представления о том, что произошло, и возможно мог подумать, что я в силах исцелить Лайониэль. В смысле вернуть ее в привычное состояние. С тобой все иначе. Ты, как я понял, немного в курсе событий и должен знать – магия кольца не имеет обратного действия. Зачем ты пришел ко мне?

– Те двое собирались отнести ее сюда. Я подумал, они знают что делают.

– Знают, – скривился Хранитель, – что они вообще знают?

Лайониэль лежала на грубо сколоченном топчане, поставленном в лаборатории на тот случай, если Тиеднелъ вдруг решал оставаться спать тут же – среди многочисленных реторт и пробирок. Низушок сидел в изголовье и рассеянно гладил своей сморщенной ладонью раз-метавшиеся по подушке волосы.

– Я принял яд, – вдруг безо всякого перехода сообщил он, – давно держал при себе на всякий случай. Чудная, знаешь ли, вещица. Перед смертью должен был поднять и укрепить мой дух, вызвать приступ безудержного веселья....

Кап. Слеза упала на щеку принцессы. Старик аккуратно вытер ее ладонью.

– Пустое, – глухо добавил он, – не от яда суждено мне умереть, но от горя. Тысячу раз читал в книге Пророчеств о том, как умрет двадцать пятый Хранитель Традиций и все никак не мог понять, каково это – умереть от горя. Теперь вот понимаю. Я ведь знал, – с горечью произнес он после очередной паузы, – я видел, что Генрих не тот человек, который должен сделать ее счастливой. Но, она, знаешь ли, была очень упряма. А я, – он вздохнул, – ни в чем не мог ей отказать. К тому же я надеялся.

– На что? – без всякого выражения спросил человек

– На чудо. Она не раз видела во сне себя идущей по Звездному Мосту. Надо же. Звездный Мост – это она придумала название, – сказал он с оттенком гордости, – сразу после того, как узнала об исследованиях. Ну, а когда появились первые результаты – как с ножом к горлу пристала, сделай да сделай кольца. У нее, видишь ли, любовь... да... такие вот невеселые дела.

Кап. Низушок снова отер ладонью щеку принцессы и чуть отодвинулся в сторону.

– Что с нею будет теперь? – человек задал совсем не тот вопрос, который хотел и от этого вдруг страшно на себя разозлился.

– Кто знает? – пожал плечами Тиеднелъ, – дух, не имеющий силы для перехода по Звездному Мосту, обречен на вечные скитания во мраке. Полное забвение. Телесная оболочка рассыплется в прах в положенное ей от рождения время. Дух же переживет ее. Но как изменит его постоянное пребывание среди небытия – кто знает? У моей девочки лишь половина амулета, ты же знаешь. Два кольца – два любящих сердца – вот источник силы, который способен привести в движение скрытую в пространстве энергию. Помогите мне, пожалуйста, – без всякого перехода попросил он, – когда она долго лежит на твердой поверхности, у нее начинает болеть спина. Кто знает? Может быть, она способна чувствовать боль и сейчас? Поверни ее на бок... Вот так... теперь выпрями руку – ее она тоже сильно ушибла, помнишь?

Человек, бережно укладывая принцессу на бок, еле заметно кивнул головой. Кивнул – и замер словно изваяние, даже не успев выполнить вторую просьбу Тиеднеля.

– Конечно, помнишь. То-то я гляжу – шрам на руке знакомый, – удовлетворенно крикнул тот, – ее ладонь ты собственно можешь отпустить – с ней сейчас все в порядке. Хоть и пришлось мне собирать ее чуть ли не по кусочкам – вряд ли кто-нибудь сейчас сможет определить которой из своих прекрасных дланей принцесса могла запросто лишиться в пору своего детства. И лишилась бы, кабы не один весьма сообразительный мальчуган, по счастью не выпускавший принцессу из виду. Мда..., – добавил низушок, уже не пряча довольной улыбки, – от старых привычек весьма трудно отказаться. Удивительная штука – жизнь. Надо тебе сказать, что все свои работы я строю на принципе полного отсутствия всякого рода случайностей. А как назвать твое нежданное и весьма своевременное возвращение, если не случайностью, Кайол? Подарком судьбы? Торжеством справедливости? Ну что ж, в любом случае ты очень и очень вовремя.

– Эйвар Симарг. – Я.

– Обращаясь к Высокому Суду, необходимо добавлять – Ваша Честь. Вам ясно?

– Да, ваша честь

– Отлично. Сообщите высокому суду ваш род занятий и сословную принадлежность

– Вольноотпущенный. Выкупил себя из потомственного рабства у мэтра Петермана из Соснового Кольца, купца Торговой Гильдии. Ныне состою на службе у Гильдии в качестве волонтера Вольной Роты Алебардистов. Чин – капрал.

– Состояли

– Никак нет, ваша честь. Приказа о моей отставке я не получал. А согласно Устава Вольной Роты, до вручения такового лично мне в руки я продолжаю состоять на службе в прежнем чине.

– Вам известно, в чем вас обвиняют?

– Никак нет, ваша честь.

– Ересь. Ересь и святотатство, заблудшая овца наша.

– А в этом случае любое лицо, состоящее на государственной или иной службе, отстраняется от исполнения своих обязанностей вплоть до окончания расследования

– Благодарю вас, мэтр Доминус. Вы как всегда тонко ухватываете нить моих мыслей.

– Не за что святой отец. Я лишь уточнил обвиняемому его нынешний статус. Весьма невеселый

– Хула? Святотатство? Да вы в своем уме добрые господа? За мной такого отродясь не водилось. Меня ни с кем не перепутали?

– Подследственный, еще одна такая выходка и вы будете наказаны за неуважение к Высокому Суду. Присутствующий здесь экзекутор быстро научит вас почтительности. Вам ясно?

– Да.

– Да?

– Да, ваша честь

– Прекрасно. Итак, вы находились в числе приглашенных на Праздник Равноденствия к тану

– Нечестивому и безбожному тану

– Благодарю вас, святой отец. Разумеется к нечестивому и так далее. Подследственный, вы можете отвечать на вопрос

– Да, ваша честь. Я действительно был там, в числе почетного эскорта сопровождения. Но я уже давал показания и не раз.

– Подследственный, напоминаю, что вы должны отвечать только на поставленные вопросы.

– Я уже доходчиво и вразумительно ответил на сотни вопросов десяткам ваших дознавателей, ваша честь. Будет проще, если мы сейчас перейдем к сути дела. Ваша честь.

– Торопитесь на костер?

– Нет, опостылела темница. Ваша честь. К тому же я уверен, что все эти разговоры о ереси не более чем бред воспаленного ума или толково написанный донос. Ваша честь.

– Еретиинииииик!!!! Доколе же Высокий Суд будет терпеть эти неслыханные оскорбления! Костер! Костер! Нет, сначала – дыба. Заставить его молить о прощении грехов и лишь после полного очищения его грешной души отправить тело в Огонь Очистительный!

– Святой отец, прошу вас – умерьте свой пыл. Мне поручено опросить обвиняемого в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, проливающими свет на странное убийство принца Генриха.

– Святого мученика Генриха!

– Да, да, да, разумеется – мученика и все такое. Я могу, наконец, задать свои вопросы?

– Я бы на вашем месте не слишком сильно доверял этому закоренелому грешнику. Кто знает? Возможно, сам дьявол говорит его устами.

– Да что вы все заладили, грешник, ересь, дьявол? Я, в конце концов, верю в Единого, ношу его знак. Ваша честь, можно ли хоть на это время убрать отсюда этого с позволения сказать святого отца?

– Вот! Вот! Мэтр Доминус, это ли не есть доказательство, раз этот грешник не может терпеть рядом с собой особу духовного звания?

– Прошу понять меня правильно, я всех могу рядом с собой терпеть, вернее стараюсь, но уж больно громко вы орете, святой отец, а эхо здесь такое, что от вашего вопля аж задница морщится, прошу прощения, ваша честь.

– Святой отец, прошу вас, возьмите себя в руки. Поверьте, мне никак не улыбается перспектива просидеть в пытошной еще одну ночь. Сегодня день рождения моей младшей дочурки.

– Поздравляю, ваша честь.

– Благодарю, подследственный. Итак, обстоятельства вашего бегства из плена меня сейчас не интересуют. Мне поручено допросить Вас в связи с листом номер пять ваших показаний по обстоятельствам вашего задержания. Итак, хм, лист седьмой. Так. Вот.

«Считаю, что своим освобождением из плена я обязан вмешательству Ангела, который прежде убил принца Генриха в опочивальне принцессы»

– Святой Единый, я не в силах это слушать! Это же хула на Ангела Господня! Костер! Но прежде...

– Знаю, помню, дыба и костеломка. Вы бы, святой отец, чем так голосить, прежде помыслили бы да сами – то глядишь и смекнули что к чему. Где же это такое видано, чтобы простой смертный два десятка остроухих умертвил за неполных полчаса? А, ваша честь? Вот вы, к примеру, такое видели?

– Подследственный, я вынужден согласиться в этом случае с представителем нашей Святой Инквизиции. Глупо было бы полагать, что мученик, прославленный нашей святой Церковью был бы умерщвлен Ангелом Господним? Согласитесь, что в данном контексте ваши показания выглядят если не еретически, то, как минимум – нелогично.

– Да. Согласен. Но как объяснить тот факт, что после всего этого смертоубийства он взял да и улетел? На небо? Да еще и принцессу эту свою эльфу уволок подмышкой? А я это своими собственными глазами видел. Ваша честь.

Выписка из приговора по делу безбожников и еретиков, словом делом и видом своим Святую Церковь Единого оскорблению придающим.

Во имя Единого

... Эйвара Симарга, урожденного рабом, вольноотпущенного мэтра Петермана из Соснового Кольца и бывшего волонтера Вольной Роты Алебардистов в чине капрала за хульные и нечестивые речи предать очистительной смерти через сожжение на костре предварительно ослепив его и вырвав язык ибо только так может он искупить то что якобы видел и о чем повествовал в безумстве своем.

Примечание. – С купца Петермана взыскать 500 золотых монет в качестве пожертвования Святой Церкви для неустанной молитвы о заблудшей душе бывшего раба.

– Вот значит как? – тан Фильериаль озадаченно глядел на распростертое перед ним бездыханное тело, – задушен. В покоях моей дочери. В самый разгар праздника Sielfajmeen. При стечении огромного количества народа. Славных гвардейцев. Элиты нашей древней расы. Убит самым простым образом, причем именно в тот момент, когда был нужен живым, здоровым и упитанным. Господа, – он обвел взглядом присутствующих, – скажите по совести, вы бы поверили мне на слово, что такой факт имеет место, если бы не могли убедиться собственными глазами?

– С позволения высокого тана, – из толпы придворных сделал шаг вперед высокий эльф в форме Дворцовой Стражи.

– Вас слушают, – не глядя в его сторону обронил тан, – говорите кратко, внятно и по сути.

– По сути, – эльф поклонился, – мы лишились ценного заложника, но при этом получили отличный повод для официального протеста. Если мы представим обстоятельства таким образом, что...

– Протеста? – тан резко развернулся на каблуках и посмотрел прямо в глаза царедворца, – мой любезный Альриэль, вы говорите как сотрудник Дипломатического Двора. А между тем я вижу на вашей груди нашивку полковника моей гвардии. Протест? Вы до сих пор не отдадите себе отчет, что это начало войны? Кто-нибудь, – он возвысил голос и слегка развел руки в стороны, – я повторяю, кто-нибудь еще сомневается в том, что мы стоим на пороге самой большой войны с Эпохи Потрясений? И что сейчас вопрос стоит только в том, как скоро этот пьяница Ингвар сообразит, что проливая слезы и вопя на весь мир о небывалом горе, он придаст своим неумным притязаниям на наши земли отдаленные признаки справедливости? А потому, – тан опустил в кресло и слегка прикрыл глаза, – мы просто обязаны играть на опережение. Лаардеваль, – еще один эльф в военной форме сделал шаг вперед и застыл в почтительном ожидании, – действовать по плану «Равноденствие» мы начнем с опережением гра-

фика. И внесем в него ряд изменений. Первое – время выступления переносится на две недели вперед. Заканчивайте как хотите, но Северная Армия должна будет выступить через два дня. Второе – повсеместно следует объявить, что принц Генрих, сраженный красотой принцессы, явился в замок дабы тайно признаться ей в своих чувствах, был схвачен стражей и... – тан вдруг открыл глаза, – пожалуй, рано сообщать о том, что он издох неестественным образом. Скажем, что он помещен в Башню Вопросов, где смиренно ожидает своей участи, сочиняя на досуге сонеты во славу красавицы Лайониэль. Сама же принцесса, как только придет в себе немедленно объявит о помолвке с танетом Ваальдиэлем. Такова моя отцовская Воля. Кстати, что говорят медики о временном (он с нажимом выделил это слово) недуге моей дочери?

– Пока еще нет новостей, – третий эльф, одетый в золотые цвета, протолкнулся из толпы на свободное пространство и поклонился, – я распорядился, чтобы принцессу доставили для осмотра к Хранителю Традиций и до сих пор...

– Нет, – тан задумчиво покачал головой, – немедленно, вы слышите, немедленно доставить мою дочь в Башню Целителей. Боюсь, что Хранитель Традиций... мда. За промедление ответите головой. – Он вскочил с кресла и судорожно сжал рукой амулет на груди, – времени практически нет. Всех членов Большого Совета ожидаю в Тронном Зале через четверть часа. Всех людей, запертых в Башне Вопросов – ликвидировать. Оставьте одного ростом и статью смахивающим на эту – он кивнул головой в сторону мертвеца, – дохлятину. Будет изображать настоящего принца на справедливом суде. От настоящего тела избавьтесь. Немедленно. За дело. И да пребудет с нами благословение Великой.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Ровное дыхание и быстрый бег. Поворот. Длинный коридор. Портьера. Потайная лестница. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Плащ с капюшоном, раскрашенный в цвета Золотых Полей ему дал Тиеднель.

– У тебя около получаса, – сказал, вручая одежду, – перстень черного камня. Наденешь на этот (он указал) палец и возвращаешься. Не мешкай. Побочные эффекты будут обязательно, но пока ты добежишь до покоев принцессы и вернешься, я попробую что-то придумать. И, ради Великой, не задерживайся. Мало времени. У тебя. У меня. У нее. Мало.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Задержать дыхание, пружинисто оттолкнуться и перепрыгнуть с балкона на балкон, экономя драгоценные секунды. В суете, царящей в замке, редко кто обращал внимание на бегущего эльфа из Дворцовой Стражи. Ну, мало ли куда он бежит. С поручением или просто охотится на разбежавшихся по замку вероломных круглоухих. Пароль у него спросили лишь однажды. Этот вопрос стоил ему двухминутной задержки, а тану – потери двух гвардейцев из своей знаменитой Дворцовой Стражи.

Вдох. Выдох. Из покоев принцессы буквально навстречу ему прокатился поток царедворцев, гвардейцев, многочисленных приближенным и гостей, возглавляемых самим таном. Он почтительно опустил на одно колено (еще одна упущенная минута) и вбежал в покои принцессы как раз в ту минуту, когда двое низушков пытались переложить тело принца на небольшую тачку, предназначавшуюся для сбора и вывоза мусора из Пиршественного Зала.

– Suut, – он властным голосом остановил их. Низушки выпрямились и замерли. На их лицах застыло то пугливое выражение, которое обычно бывает у воришек, застигнутых на месте преступления.

Быстрым движением, он повернул принца, стараясь не глядеть в его лицо. Осмотрел пальцы. Перстней на них не было. Зато были свежие царапины. В большом количестве. «Он бросил его на пол, – мысль пришла в голову из ниоткуда и как нельзя вовремя, – Точно». Но осмотр пола тоже ничего не дал. А время между тем уходило.

– Перстень, – он протянул вперед ладонь и пристально взгляделся из под опущенного капюшона в глаза низушков, – перстень черного камня. Верните сейчас. Остальные побря-

кушки оставьте себе. Отдайте, – и, помедлив, добавил, – иначе отыщу его в карманах одежды ваших тел. После того, как придушу.

Низушки переглянулись с какой-то покорной обреченностью, и вдруг не сговариваясь, бухнулись на колени.

– Не погубите, ваше милосердие, – сдавленным шепотом просипел один из них, постарше и попухлее, – жить то, как то надо, вот и дьявол попутал, истинно вам говорю, его рук дело.

– Да, да, – стуча зубами, вторил ему второй, протягивая пригоршню драгоценностей в трясущейся руке, – все равно ж пропадать добру. Так мы с кумом и рассудили, что большой то беды не будет, ежели мы его, перед тем как сжечь слегка ошиплем. Так не выдавайте, ваше милосердие, уж мы за вас вечно Великую молить будем.

Черный перстень он увидел сразу. Быстро одел его на палец, даже не взглянув на остальное.

– Пустое, – бросил он через плечо, уже на ходу, – оставьте себе и своим семьям.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. На то, чтобы вернуться назад в Башню Мудрости, оставалось не больше четверти часа.

Если бы он задержался лишь на секунду, то смог бы увидеть, как низушки, переглянувшись, дружно бросились на поиски ближайшего патруля.

– И ведь самое главное, то что? – не хотел я сюда ехать. А все Гонверт. Поехали, говорит, да поехали. Ему вроде как захотелось вытащить меня из моей плавильни. Чтоб я вроде как развеялся от скуки. А вот скажи ты мне по совести, мраморное ты чучело, ну когда мне вообще скучать? Я тебе вот что скажу, скуку придумали сами люди. Точно. Мне это один знакомый рудознавец очень хорошо объяснил. А теперь я тебе объясню. Вот только слегка промочу горло.

В совершенно пустом зале, еще недавно переполненном массой ликующего народа самых разных рас, Драгх аэн Грейтх из Рода Каменистого Лотоса, оружейник в десятом поколении, обладатель Ордена Самоцветов медленно напивался до беспамятства в компании мраморной статуи, изображающей собаку, держащую в пасти рыбу. Для удобства общения, статуя была вырвана из привычного для нее места и перенесена прямо к столу, за которым в одиночестве пировал гном, справедливо рассудивший, что ввиду невысокого роста церемонию ему все равно должным образом посмотреть не удастся. А после, услышав от взволнованных низушковых из обслуги, краткий рассказ о случившейся трагедии понял для себя две вещи.

Первое – покинуть замок сейчас у него не будет ни малейшей возможности. Входы и выходы наверняка перекрыты, и всех, кто решит улизнуть, в суматохе могут бросить в темницу и позабыть либо попросту пристрелить без лишнего шума.

Второе – что без оружия, сданного им в Арсенал по законам гостеприимства, он совершенно ну то есть очень в смысле совсем беззащитен.

А потому взвесив все за и против, Драгх решил остаться в Пиршественном Зале и продолжить трапезу, потому, что до обеда еще ой как далеко и непонятно, будет ли он в принципе. Для собеседования во время возлияний была выбрана и принесена к столу уже упомянутая мраморная собака, которая смотрела на гнома безучастными агатовыми глазами и всем своим видом демонстрировала полное пренебрежение к происходящему.

– Скука, – подняв палец и придав лицу серьезное выражение, повествовал гном, – есть не что иное, как болезнь. И подвержены ей особи, которые ввиду своей душевной недостаточности не могут принимать мир таким, какой он есть и себя как частицу этого мира. Они (ну особи, то есть) своеобразно искривляют пространство вокруг себя и вносят в него диг... дриг... дисгармонию. Вот гномам скучать некогда. Потому что именно мы, – рывкнул он и грозно посмотрел на собаку, – полностью и окончательно можем сказать о себе – мы часть той Природы, что живет в пении морского прибоя, в шуме соснового леса и в звуке породы, откалывающейся от скал. Что? – он скривился, – ты хочешь сказать, что эльфы с их культом леса

и традиций гораздо ближе к земле, чем мы? Ха, – он вдруг хватил кулаком по столу так, что статуя опасно задрожала, – в то самое время как из-за моря приплыли первые эльфы на своих кораблях под белоснежными парусами, мы уже знали секреты плавки стали и нам был знаком порох. А наши украшения! Присмотрись внимательнее ко всем побрякушкам, которые сейчас эльфы выдают за свое наследие. Все это – я повторяю, – все это было создано нашими руками. В наших мастерских. Наша беда, – гном горестно вздохнул, – в нашей вечной недальновидности. Мы охотно делились с гостями всем. Знаниями, землей, помогали обосноваться первое время. Соседи. Ха, а потом вдруг выяснилось, что мы всего лишь тупиковая ветвь развития и ошибка природы.

Драгкх огорченно вздохнул, сделал большой глоток пива, взял со стола кусок заветренного мяса и принялся жевать его с самым мрачным выражением лица.

Когда с шумом открылась одна из дверей, ведущих в зал, и пространство наполнилось пьяным гомоном и эльфийскими ругательствами, он продолжал жевать, глядя в одну точку. Он краем уха услышал удивленный присвист, когда его заметили и голоса стали приближаться, но с места не двинулся, и жевать не перестал. И лишь когда кто-то из подошедших эльфов небрежно пнул его по сапогу ногой, обутой в бархатный ботфорт, соизволил поднять взгляд.

Трое. Вроде молодые. Хотя, кто их эльфов разберет. Двадцать ему лет или двести. Но, наверное, все таки молодые – уж слишком развязно себя ведут. Мечи достали из ножен. А на мечах, кстати, кровь. И еще свежая. И глаза. Глаза охотничьих псов, услышавших властное хозяйское: – Агу!

– Ну, – тот, что пнул его по ноге теперь стоял, картинно опираясь на меч, – скажи что-нибудь нам, землекоп.

Двое прыснули от смеха.

– Leint lejva Sielfajmeen, – подумав, ответил гном и сделал приглашающий жест рукой, – присаживайтесь, благородные эльфы. Отпразднуем рождение Великой. Вот тут еще мясо осталось. Почти нетронутое.

– И пиво, – подхватил один из весельчаков, – ты любишь пиво, земляной червяк?

И под громкий раскат хохота товарищей он вылил на голову Драгха остатки из кувшина, стоявшего на соседнем столе.

Пиво, пиво, хмельное пиво. Он выходит из кузницы, мокрый, разгоряченный, со следами копоти на лице и груди, и его жена огнегривая Терранкха подает ему с поклоном большую глиняную кружку. Он принимает с достоинством и не спеша выпивает до дна. Возвращает пустую кружку и оглядывает двор в поисках сына.

– Грэдхи, – кричит он, наконец, отчаиваясь увидеть в кустах или за сараем рыжую шевелюру отпрыска, – отец тебя зовет.

С шумом валится поленница дров и среди поленьев барахтается, пытаясь встать на ноги, малыш Гредх аэн Драгх из Рода Каменистого Лотоса, надежда семейства, единственный наследник и будущий владелец родовых секретов. С горем пополам поднявшись, чуть прихрамывая, мальчик подходит к отцу и внимательно на него смотрит.

– Взгляни, малыш, – отец достает из-за спины маленькую кирку, которую до сей поры прятал за поясом, – будешь помогать папке. Верно? Ну, что скажешь?

Получив разрешение говорить (а за разговоры без разрешения обязательно последует наказание) сын хватает отцовский подарок и начинает размахивать им направо и налево.

– Ух, ты, здорово, – вопит он, но внезапно останавливается, – а секиру? – требовательно спрашивает малыша и глаза его хмурятся, – мне нужна секира. Я стану могучим воином и отомщу эльфам за дедушку. Вообще за всех убитых при Кукрмаргхе.

Драгх выпрямляет спину и хмурится сам. В этот момент сходство отца и сына настолько велико, что жена изумленно хлопает в ладоши.

– Ну, воин, – она спешит разрядить обстановку, – для начала повоюй с этими дровами. Посмотри, что ты наделал?

– Но я не хочу дрова, – начинает канючить мальши, – я хочу секиру.

– Будет и секира, – мать медленно, но твердо уводит мальчика, – а пока что помоги матери и собери все, что разрушил. Ты помнишь первый подвиг Прародителя?

– Отомстишь, сынок, – Драгх глубоко вздохнул и смахнул с лица остатки пены, – выходит, что не только за дедушку, но и за отца. И думаю, что в полку мстителей ты будешь не одинок.

– Что еще там лопочет этот крот? – подал голос третий эльф, – пора преподать ему хороший урок гостеприимства.

– Никогда не удивляйся в гостях у эльфа, – медленно проговорил Драгх, поочередно вглядываясь в лица тех, с кем еще недавно пировал за одним столом, – и никогда не доверяй эльфу, – значительно добавил он, – мало кто помнит продолжение этой пословицы, которую, кстати, вы же, эльфы, сами и придумали. Но не я, – гном бережно снял с шеи цепочку, на которой висел хрустальный изящно украшенный флакон, наполненный чем-то ярко алым.

– Жидкий огонь с Архипелага Драконов, – пояснил он, и с наслаждением увидел, как вытягиваются лица троицы эльфов, – сколько здесь смертей, остроухие? Как вы думаете, не меньше чем вы предательски зарезали ночью в Кукрмаргхской долине?

Мать уводит за руку слегка упирающегося ребенка. Возле самой двери в дом они оглядываются и приветливо машут рукой отцу.

– Простите меня, – тихо прошептал гном, – если можете – простите. Да не оставит вас Прародитель.

С огромной силой, Драгх швырнул наземь хрустальный сосуд. Мир вокруг него на короткое мгновение стал ослепительно белым и Драгх аэн Грейтх из Рода Каменистого Лотоса, оружейник в десятом поколении, обладатель Ордена Самоцветов перестал существовать.

Вдох – выдох. Вдох – выдох. Пол был уже липким от крови. Ничего подобного еще не было в то время, когда он бежал по этому коридору в обратном направлении. Теперь же все чаще у него на глазах происходили отдельные короткие стычки. Люди защищались с яростью обреченных. Успевшие вырваться из темницы и вооруженные чем попало, они, как правило, являлись всего лишь дичью на этой кровавой охоте. Никто не надеялся вырваться из замка живым. Люди хотели всего лишь одного – как можно дороже продать свою жизнь. Иногда это получалось. Чаще – нет. Чаще их просто с шутками и прибаутками нашиговывали арбалетными бельтами.

Вдох – выдох. Вдох – выдох. Теперь через левое крыло, вдоль Пиршественного зала, по винтовой лестнице и там уже рукой подать до Башни Мудрости. Мы успеем. Мы сможем. Мы...

Дрожь под ногами он ощутил за миг до того, как где-то слева от него громко ухнуло, и с шумом вылетели стекла из витражей Галереи Славы. А вслед за ними в большой коридор вырвалось белое пламя, жадно пожиравшее на своем пути, все, что могло гореть. Как спички сгорели в нем те, кому не посчастливилось оказаться в эту минуту рядом со стеной огня. Те, что были во время взрыва чуть поодаль, теперь живыми факелами с визгом разбежались в стороны, не разбирая дороги. Пламя съедало их чуть медленнее, его первоначальная сила угасла, и теперь огонь неумолимо расползлся по Дворцу, превращая роскошные гобелены в золу, серебряные и золотые украшения в лужи на полу, а великолепную мозаику и изысканные барельефы – в бугристую закопченную массу.

Вдох – выдох. Вдох – выдох. Резко и почти не думая, развернулся и побежал в обратном направлении, спасаясь от огня и на ходу обдумывая новый маршрут. Вверх через лестницу, направо мимо Вечно Золотого Сада и Приемного Зала. Лишних пять минут. Скверно, ай как скверно.

– Вот он, – откуда – то из боковой галереи раздался торжествующий визг, – он! Это он! Именем тана задержите его!

Слегка повернув голову на голос, и не сбавляя скорости, он увидел одного из давешних низушков – мародеров в сопровождении четырех гвардейцев, спешащих ему наперерез.

– Suut! – раздались требовательные крики, послышался лязг мечей, вынимаемых из ножен. Противно закричала взводимая тетива арбалета. Скверно, ай как скверно. Он остановился как вкопанный, повернулся вполоборота, поднял руки и медленно пошел навстречу патрулю. Эльфы тоже перестали бежать, при этом слегка столкнувшись плечами и на секунду упустив из виду преследуемого. Именно в эту самую секунду между пальцев у человека в капюшоне словно по волшебству появилось, что —то маленькое, круглое и с зубринами. Всполохи огня радужно раскрасили заостренные края. Человек слегка развел руки в стороны и сделал какой-то сложный пасс.

Шарк, шарк, шарк, шарк. Нелепо взмахивая руками, гвардейцы кулями попадали на пол, сохранив на лицах удивленные и слегка высокомерные выражения. Короткие взгляды по сторонам – нет, никто не обратил внимания, никого нет поблизости, никому нет дела до других. Каждый – сам за себя. А в голове у человека уже вырисовывался новый кратчайший путь к Башне Мудрости. Он решительно зашагал прямо в сторону мертвых гвардейцев, постепенно набирая скорость, чтоб перейти на бег. Возле трупов он слегка замедлил шаг и за шиворот вытащил из-за портьеры низушка, тенью метнувшегося туда прямо перед началом дисконметания.

– Не губите, ваше милосердие, – сдавленно прохрипел, – меня заставили. Сам бы я никогда...

– Конечно, – мягко сказал человек и коротким скупым движением сломал низушку шею. Тело еще не успело упасть на пол, а человек уже перешел на бег. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Еще пять минут. Всего лишь пять минут. Целых пять минут. Это же почти вечность. Скверно, ай как скверно.

– Левое крыло замка горит, высокий тан, – посланец был весь в копоти. Почти без волос. Левая половина лица была изуродована огнем, – полагают, что это Белое Пламя.

– Чушь, – не отрывая голову от карты, на которой он что-то рисовал в окружении членов Большого Совета, ответил тан, – чушь или провокация. На ликвидацию пожара бросить Резервную Команду и быстро сформировать дружины из добровольцев. Добровольцев разумеется из числа гостей. И не отвлекайте меня по пустякам. Путь даже король Ингвар во главе сотысячного войска играет в кегли перед воротами дворца. Единственное исключение – это новости о выздоровлении принцессы. Что говорят лекари после посещения Башни Мудрости? Принцесса все еще там или уже у Целителей?

Тягостное молчание прерывал только скрип карандаша и деликатное покашливание царедворцев.

Посланник решал для себя непростую задачу – он подбирал слова, чтобы попытаться объяснить высокому тану, что уже три группы, посланные в Башню Мудрости, не смогли найти к ней дорогу. Да. Это звучало фантастически, но Башня словно исчезла. Лестницы, ведущие к ней, оканчивались тупиками, проходы исчезали, коридоры возвращали посланцев к началу маршрутов или водили их по кругу. Налицо было магическое вмешательство. А все дворцовые магики были задействованы на борьбе с Белым Пламенем, которое как следует из древних трактатов «подлежит успокоению свойствами исключительно магическими, ибо обычные средства тушения пожара лишь усиливают его голод».

– Принцессе лучше, – сдавленным голосом сказал, наконец, посланец, – скоро она предстанет перед глазами пресветлого тана.

– Вот, – удовлетворенно кивнул головой тан, – умеете же когда хотите. И с этим пожаром заканчивайте поскорее. Кстати, что с людьми?

– Уничтожены полностью, – посланец был рад, что в этот раз ему не приходится кривить душой.

Тан приподнялся над картой и впервые взглянул на посланника.

– Роскошно, – произнес он по слогам и улыбнулся.

Это была единственная хорошая новость, которую он получил за время празднования Sielfajmeen.

Песок в часах струился равнодушной змейкой. Тиеднелъ задумчиво смотрел на этот песочный поток, и настроение его становилось все мрачнее и мрачнее пропорционально убыванию песка в верхней части хрустальной колбы.

Принцесса лежала на неудобной кушетке. На спине. Ее руки были сложены на груди. Со стороны могло бы показаться, что она спит – настолько безмятежным выглядело ее лицо. Если бы не одно обстоятельство. Принцесса не дышала.

Кайол опаздывал. По расчетам Тиеднелъ, он давно уже должен быть в Башне, даже, несмотря на то, что левая половина замка была охвачена самым настоящим пожаром. Кстати, за пожаром, равно как и за попытками дворцовых магиков локализовать его, Тиеднелъ сначала наблюдал с любопытством. Он, разумеется, сразу определил неестественную сущность пламени, мысленно прикинул, откуда и в каком направлении нужно наносить контрудары и, убедившись, что действия эльфийских волшебников ведутся в соответствии с его расчетами, сразу потерял к пожару всякий интерес.

Кстати, именно пожар он должен был поблагодарить за то, что заклятие Невидимости, которым он укутал Башню, до сих пор не было распечатано и сломано. Видимо, просто не хватало времени заняться им вплотную. Пока он ощущал только первые прощупывания, но они с каждой минутой становились все острее и явственнее. А Кайол как в воду канул. И это было очень и очень плохо.

– Я только что доложил тану, что все люди уничтожены целиком и полностью. Вплоть до самой ничтожной особи, – обгоревший эльф сидел на стуле в центре небольшого зала – уменьшенной копии Большого, где проходило заседание Совета, и морщился, пока ему делали перевязку лица.

– И вдруг я узнаю, что по Дворцу разгуливает какой-то круглоухий молодчик и направо – налево раскидывает какие-то диковинные железяки, от которых мои гвардейцы мрут как мухи. Будьте добры, скажите, что я ослышался.

– Милорд не ослышался, – гвардеец подававший рапорт был чист, свеж и отлично выбрит, будто явился на доклад не из полыхающего замка, а из танцевальной залы, – милорду не следовало бы относиться к моему рапорту с таким скепсисом, – гвардеец выпрямился в струнку, – это не простой человек. Боюсь даже предположить, – он замялся, – но я до конца, не уверен человек ли это.

– Продолжайте, – лекарь отошел от эльфа, тот поднялся со стула и теперь осторожно попробовал на прочность повязку на лице.

– Дело в том, что этот... субъект не только блестяще владеет этим экзотическим способом убийства, но и умеет проходить сквозь стены. Мы как раз преследовали его после того, как он расправился с патрулем и я сам, собственными глазами видел, как он пробежал сквозь стену. Я понимаю, как это звучит, но дело в том, что...

– Позвольте, – вмешался в разговор еще один из присутствующих, одетый в плащ Магического Двора, – через стену? Вы в этом абсолютно уверены? – и, не дождавшись ответа, он

звонко хлопнул ладонью по столу и торжествуя закричал, – патруль сюда, быстро! Я знаю, где мы взломаем заклятие! Я знаю, как попасть в Башню Мудрости!

Вдох-выдох, вдох – выдох. Еще один поворот, потом последняя лестница и он уже в Башне Мудрости. После Зала Трофеев он едва не столкнулся с еще одним патрулем. Эльфы бросились было за ним, но потом вдруг остановились на месте, беспомощно озираясь по сторонам. Будто внезапно упустили его из виду. Он не придал этому значения и перешел на максимальную скорость. Дыхание начало сбиваться. Еще один пролет. Еще одна минута. Все. Дверь. Он у цели. Надеюсь, вовремя.

Дзынь – щелк. Что-то больно толкнуло его в плечо и бросило прямо на приоткрытую дверь. Рванувшись вперед изо всех сил, он буквально влетел в келью Тиеднеля и закрыл дверь на задвижку. На секунду успел увидеть гвардейцев, поднимающих арбалеты и магика, держащего перед собой Талисман Зеркала – вещь незаменимую, когда нужно точно справиться с магией, отводящей глаза.

Навстречу с неожиданной прытью выскочил Тиеднель.

– Кольцо, – рявкнул он, – быстро.

Кайол протянул ему раскрытую ладонь, на которой лежал перстень черного камня. Тиеднель коршуном схватил его, бросился к столу, на котором стоял предмет, напоминающий весы, осторожно опустил кольцо на одну из чаш, и начал что-то читать нараспев, сопровождая слова сложными пассами рук.

В дверь толкнули, затем требовательно забарабанили, потом с той стороны защелкали арбалеты. Потом кто-то ухнул обухом топора. Безрезультатно.

– Подождите, расступитесь, – раздался из-за двери взволнованный голос, – Хранитель Традиций, немедленно откройте дверь. Или я вынесу ее с помощью заклятия. Обещаю Вам – никто не пострадает. Слово высокого тана.

Вместо ответа Тиеднель бережно взял перстень и повернулся к Кайолу, – готов? – полувопросительно полуутвердительно. И не дождавшись ответа – требовательно – руку.

Кайол немедленно протянул ее вперед.

– Ну, сынок, – Тиеднель глубоко вздохнул, – да хранит вас обоих Великая.

Сказал – и надел перстень черного камня на палец замершего от неожиданной робости человека.

Дальнейшее происходило для Кайола словно в тумане, из которого вдруг выплывала то расщепленная магическим заклятием дверь, то удивленно-восхищенные лица гвардейцев, глядящих куда-то сквозь него, то Тиеднель мешком падающий на пол своей кельи и его лицо, выражающее невыразимую печаль.

А потом все это пропало. И осталось только темно-синее небо, залитое серебристым светом неизвестных созвездий. И мягкая дорога, стелящаяся у них под ногами осколками звездной пыли. И женщина, отдаленно напоминающая любимую им еще с далекого детства Лайониэль, теперь шла с ним рука об руку в один из тех миров, где родные души соединяют не Традиции и Законы Рас, а лишь голоса сердец, бьющихся в унисон. Да благословит Великая такие миры всей своей Милостью и Благодатью.

Эпилог

Мы обосновались в мире, который его жители называют Земля. В стране, которую ее граждане называют Россия.

Меня зовут Николай. Мы вместе с женой, которую зовут Юля, чудом спаслись от погромов во время беспорядков в городе Душанбе. Именно поэтому документы нам пришлось восстанавливать заново. Ничего. Справились. Я работаю в службе безопасности банка «Югра».

Неплохо зарабатываю. Главное, по сути, не это. Главное, что мы по – настоящему любим друг друга. Юлька иногда называет меня Гена. Смеется потом, в шутку добавляет – «крокодил». Толком сама не может объяснить почему, она почти не помнит свое прошлое – сильно ударила головой, когда спасалась от бандитов. Кстати, именно я ее от них и отбил – это практически единственное, что она помнит о своей жизни до нашей встречи. Иногда – раз в году – к ней возвращаются эти провалы в памяти, она приходит в себя полностью обессилившая и еще пару дней восстанавливается после эмоционального срыва. «Запойная» – шепчут бабушки из нашего подъезда и негласно меня жалеют.

Я снова и снова задаю себе один и тот же вопрос – а если бы я знал, какими могут быть те побочные эффекты, о которых говорил Тиеднелъ, сделал бы я то, что сделал? И снова отвечаю себе – Да. Сделал бы. Потому что я не украл любовь. Я поднял ее. Так опрометчиво брошенную наземь другим человеком.

Три часа ночи

Все персонажи этого произведения вымышлены. Любые сходства и совпадения с реальными лицами совершенно случайны. Место и время действия выбраны произвольно. Тем не менее описанные события вполне могли бы произойти.

Деревня Денисовка, июль 1979 г.

Оно существовало! Оно действительно существовало, теперь Славка знал об этом наверняка, но именно теперь отдал бы все на свете за то, чтобы никогда даже не догадываться о его существовании. За то, чтобы оказаться добрым волшебником из сказки, повернуть время вспять и отказаться от глупого спора, от этой никому не нужной проверки на трусость. Ну что ж, теперь в глазах своих друзей он будет одним из храбрецов, которые по тем или иным причинам пропали в лесу, так и не сумев дать вразумительный ответ, есть ли в этих бабушкиных сказках хоть капля правды.

Несколько раз ему казалось, что он оторвался, что он сумел обмануть эту тварь, и в каждый раз, когда он переходил на шаг, где-нибудь совсем близко раздавался глухой негромкий смешок, наполнявший его невыразимым ужасом, дававший новые силы и гнавший его вперед быстрее ветра.

В очередной раз, выбившись из сил, Славка в изнеможении остановился и перевел дыхание. Прислонившись спиной к шершавому сосновому стволу и пытаясь унять рвавшееся из груди сердце, он, то и дело вздрагивая, затравленно вертел головой по сторонам, пытаясь найти в непроглядной лесной тьме признаки неумолимого приближения существа, которое гналось за ним по пятам от самой опушки. Затем Славка крепко зажмурился, мечтая лишь об одном: слиться с деревом, стать хоть ненадолго его частью и хоть как-нибудь пережить эту ужасную ночь. Так прошло какое-то время. Минута? Полчаса? Час? Неужели все это наконец кончилось?

Едва слышно хрустнула ветка, затем шорох раздался чуть ближе. Потом совсем рядом пахнуло тиной и чем-то душным, какой-то подвальной сыростью. Затем явственно повеяло холодом. Буквально заставив себя открыть глаза, Славка увидел, как тьма на его глазах стала еще плотнее и гуще и начала колебаться, принимая очертания чего-то неуклюжего, почти бесформенного... и оттого еще более страшного.

И тогда Славка заплакал. Тихо, почти беззвучно, горько и обреченно, уже даже не помышляя о бегстве.

Нечто, сформировавшееся в уродливо распухшую гротескную человеческую фигуру, медленно приближалось, протягивая к нему свои отвратительные конечности, увенчанные когтями, лишь отдаленно напоминающие человеческие руки, и едва слышно бубнило, прожевывая слова, словно рот его был наполнен водорослями:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.